

борис поплавский
орфей в аду

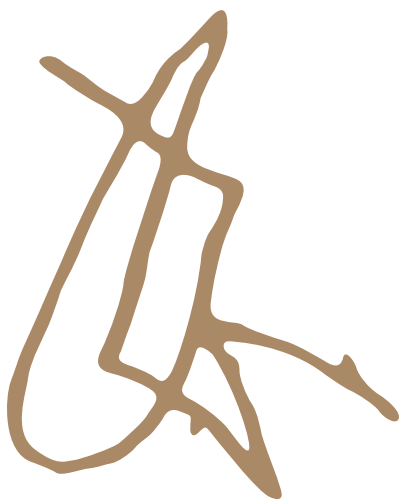

10. IX. 30

б. II

борис полавский

орфей в аду

*неизвестные поэмы,
стихотворения
и рисунки*

Составление, подготовка текста, комментарии
Кирилл Захаров и Сергей Кудрявцев

Общая редакция и подбор иллюстраций
Сергей Кудрявцев

В книге использованы фотографии
материалов из парижского архива поэта

На фронтиспise — автопортрет Б.Ю. Поплавского (1930 г.)

Художественное оформление и макет
Мария Юганова

содержание

Нагое безобразие стихов | *Кирилл Захаров*..... 9

ПОЭМЫ

Поэма о Революции.

Кубосимволистический солнцень..... 21 | 147

Истерика истерик.

Опыт кубоимажонистической росписи
футуристического штандарта..... 28 | 149

Мрактат о гуне..... 48 | 158

<Пролог>..... 48 | 159

Песня первая..... 49 | 160

Песня вторая..... 50 | 161

П<есня третья>..... 51 | 162

Песня четверт<ая>..... 52 | 162

П<есня> пятая..... 53 | 163

Песн<я> шестая..... 54 | 164

Песн<я> седьмая..... 55 | 164

П<есня> VIII..... 56 | 165

П<есня> IX..... 57 | 165

<Песня десятая>..... 58 | 165

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Я прохожу. Тщеславен я и сир...».....	61		167
«И каждый раз, и каждый раз, и каждый...».....	62		168
«Убивец бивень нечасовый бой...».....	66		168
Из еврейских мелодий.....	67		174
Art poétique.....	68		175
«Шикарное безделие живет...».....	70		176
«Божественный огонь строптивый конь...».....	72		177
«Черепаша уходит под череп...».....	73		177
«Есть в этом мире специальный шик...».....	74		177
«Мне ль реабилитировать себя...».....	76		177
«Акробат одиноко взобрался на вышку...».....	77		178
«Исчезало счастье гасло время...».....	78		178
«Луна часов усами повела...».....	80		178
«В Америку ехали воробьи...».....	81		178
«Я пред мясной где мертвые лежат...».....	82		179
Снежная пудра бульвара.....	83		179
Бред.....	88		179
«В полдневный час белеет синева...».....	89		180
Ветер мирозданья.....	91		180
Звездный водопад.....	98		180
«Золотая луна всплыла на пруде...».....	99		181
«Отцы об стенку ударялись лбами...».....	101		181
«Луна богов луна богиня смерти...».....	102		182
«Качались мы, увы, но не встречались...».....	104		182
«Смирение парит над головой...».....	105		182
Открытое письмо.....	106		183

«Лишь я дотронулся до рога...».....	109	183
«Зима и тишина глядели...».....	110	183
Орфей в аду.....	111	183
Le chant d`Albinos.....	114	186
«На иконе в золотых кустах...».....	115	187

незавершенное и зачеркнутое

«Грохотанье струй изгоняет печали...».....	119	187
«О жупел мужа жалости лишай...».....	120	187
«Я Библию читал едва-едва...».....	122	188
Война и мир.....	123	188
«Как плавает в реке прозрачный дом...».....	124	188
Logique.....	126	189
«Примите братья чемодан души...».....	132	189
Газела о Бедности.....	133	189
«Как снобы в розовых носках...».....	134	189
Сольфеджио.....	136	190
Мойрэ.....	137	190
«На олеографическом закате...».....	138	191
«Любовь манит к себе влечет...».....	141	191
«Музыканты — значит музе канты...».....	143	191

нагое безобразие стихов

Заговоришь о Поплавском с «ценителем» филологической выучки, интонация будет задумчивой, через минуту уважительно закивают. Теперь этих кивков этих, по счастью, трудно избежать. Еще через минуту беседа неумолимо сойдет в тартар привычных умствований: «талантлив» (как вариант: «мог бы писать сильнее — не дожил»), «неровен», «одно время был резким футуристом». Два-три словца о религиозных исканиях, наркотиках, странной смерти. Разговор закончен. Можно сказать, удался.

Для «умеренных» Поплавский — одаренный выскочка, немножечко выродец, что-то вроде эмигрантской версии Маяковского. Довольно удачный клон, с небольшими погрешностями. Подкармливали его чем-то первобытным, чудил по молодости, но вот основа — классическая: Блок, Бодлер, Малларме, французский лицей. Потому и был одобрен поэтическим генералитетом, потому и выдали индульгенцию романтическим передержкам. У Маяковского, положим, чуть по-другому: Бурлюк натаскивал «мота» как мог, подсовывал благо-

родное — «Книгу масок», к примеру. Худо-бедно, соорудили основу и здесь: даже Розанов оказался близок «поэтиному сердцу», как рассказал нам Виктор Ховин. А Поплавский *хотел* писать как Розанов, да не вышло. Рассказал об этом Бердяев.

(Любопытно, сколько еще статей на тему «Поплавский–Маяковский» родится после явления «Поэмы о Революции»?)

Очень многие «серьезные» разговоры на поверку оказываются вредоносной болтовней, к тому же полной обескураживающих умолчаний. Печально, что и апологеты (а врагов, повторимся, у Поплавского все меньше) наговорили столько же, сколько и недоумевающие. Натужное понимание очевидных процессов, вне которых феномен Поплавского немислим, вне которых такого поэта просто не было бы, можно оправдать лишь удивительной нечувствительностью и ленью. Сегодня, спустя семьдесят лет после смерти «царевича», опять приходится напоминать о дадаизме и футуризме, которые, к слову, «царевич» пережил.

Понять, почему из творчества Поплавского вымарывают «резкий футуризм», очень легко. Над русской литературой упорно витает дух мессианства, время от времени отдающий местечковостью; она по-прежнему сельский учитель. Антиэстетизм представляется каким-то имманентным русским свойством, «дикостью», которую следует изжить, выкорчевать или, на худой конец, занавесить. Крученных до недавнего времени почитался шарлатаном: так было проще. Искать у Поплавского, например, параллели с Достоевским или Толстым —

это привычный, приличный путь: поэта опять выводят на «большую дорогу человеков» и тем самым едва ли не оказывают честь бродяге *minor*'у, выпускают его в «настоящую литературу». Помилуйте, да ведь у нас есть «принсипы». О том же, что Бретон писал о Достоевском, лучше вовсе не знать, это умножает печали.

Иные судят жарче. Нам довелось немало спорить о «раннем» и «позднем» Поплавском с теми, кто предпочитает именно раннего. Все, что *потом*, — недостаточно лихо. Да и не с «хрустальной дорожки» Поплавский ушел — уйти хотел от вечного голода: «нищета заговорила». Эти опять ищут основу, но только ультра-модернистскую. «Мы ходили с тобой кокаиниться в церкви», — вот счастье, вот права. Вновь о расширенных зрачках, темных очках (теперь они служат пропуском в дада), заблуждениях — не в начале, в конце.

Может быть, и вправду — искать следует именно здесь? Уж какое там пачкунство?! — шестнадцатилетний мальчишка «в козьем полушубке» создает «Истерику истерик» — уникальный опыт автоматического письма, футуристической и «кубоимажонистической» нищешаны. А в подкладке затаился страдалец-Исидор. Автор одарен ровно настолько, чтобы обеззубеть годам к тридцати.

Взгляд как будто отрадный. Оригинален, свеж он потому, что возвращение ранних стихов Поплавского началось недавно; разглядеть и понять их непросто. И очень подкупает горячность «рассмотревших», ориентированных, судя по всему, на фигуру Зданевича, который тоже возвращался и понимался мучительно трудно. Ци-

тировать слова «жили мы стихами Поплавского» вошло в привычку давно, но наконец-то приходит понимание, *какими именно* стихами Поплавского Зданевич «жил». Да уж самыми наидичайшими, будьте уверены. Цитируя, мало кто давал себе труда вспомнить об «анальной эротике». Да ведь Поплавский еще и заумник, вот что надо будет иметь в виду.

И мы уже готовы согласиться.

Увы, точка зрения эта тенденциозна в той же степени, что и первая, а потому нестерпима для нас. Впрочем, должно пройти еще какое-то время, прежде чем в работах «доцентов» линия эта разовьется с достаточной силой, и о Поплавском заговорят как о «русском сокровище-дадаисте» во весь голос, рождая обесмысливающие стереотипы и каноны. А может, и не разовьется, только иные слависты будут прилежно отыскивать необходимые параллели.

Конечно-конечно, Поплавский — русский дадаист, запомним это хорошенько. Что заставляет его быть «могильщиком»? Да то же, что и Балля. *Он знает, что мир систем рухнул, что эпоха, требующая оплаты наличными, начала по бросовым ценам распродажу развенчанных философий.* Он очень хорошо это знает, и параллели с Толстым следует искать (и) здесь. Смешно?

Слово «русский» не менее важно, чем слово «дадаист». «Как будто русским или негром можно перестать быть», — говорит Поплавский и, законспектировав Гегеля, расстегивает ширинку — отлить неподалеку от Лувра бок о бок с Горгуловым. Такова проклятая история литературы, никуда не деться: пришедшие русские

хамы оскверняют заграницы, в отместку же краваны изводят побеги русской духовности. Или наоборот.

Нити натянуты, до сюрреализма рукой подать. Не успевает Зданевич подумать о русском «сюр-дада», как Поплавский перекидывается. С легкостью и бесстыдством ошеломляющими. Бесстыдство отягчено автоматическим письмом, освоенным еще в 1919-м, и лицеем Филиппа Неррийского, способствовавшим знакомству с французскими символистами. Которые, оказывается, тоже сюрреалисты.

Эту шалость прощают охотно, ведь машинка Бретона — точка схождения «классического» и «авангардного». Главное — соединить несоединимое (высекает искру). Здесь могут примириться и «доценты» с «разглядевшими». Бретон придумал нечто, многими воспринятое (и воспринимаемое до сих пор) как большее, чем дадаизм, включающее его в себя. Если дада настаивал на апофатических формах, антихудожественной художественности и отмене иерархий, то сюрреализм — почти что новый эстетизм. Плюс комбинаторика. Ничем не ограничиваемая образность — так ведь Поплавский художник.

Итак, сопрягаем два слова — «русский» и «сюрреалист» — и чувствуем сладость сверхреальности (не спугнуть бы!). Еще раз, смелее: русский сюрреалист, настоящий. И при этом не Эренбург. Наверняка, это для нашей радости он прошел сквозь ад дадаизма. Для нашей гордости.

Ведь писал же Поплавский автоматические стихи.

Приделал же он солдату крылья.

А еще домохозяйки очень любят Дали.

Но «русский» с «сюрреалистом» разлетаются в разные стороны. В рецепте Поплавского («одним перехамил, другим перекланялся») важно именно «пере-», а не что-то другое. Из амбивалентности сюра он сразу же делает еще один шаг, последний. Для Зданевича игры монпарнасцев — «белогвардейская халтура», а для Ходасевича футуризм — это «трупный яд». Поплавский отныне разорван надвое — окончательное *до* и окончательное *после*. Лотреамон, Нерваль и Лафорг завели его слишком далеко — к началу. *И на двух катафалках везут / Половины неравные тела.*

Он уже не бегаёт в Наркомпрос. Он сам теперь может «плевать справа». Словно не было никакой «резкости» (и некоторые хотят верить этому до сих пор), не было даже Зданевича. Поплавский являет чудеса беспринципности. Опять дадаист? Мошенник.

Идем направо — песнь заводим. Стихи «Флагов» не всегда ясны, но к ясности, понятной «среднему читателю», стремятся, а там, где ее не хватает, вытягивает музыка. (Набоков — не средний читатель, потому и расслышал «Мореллу».) Отныне разговоры о ней становятся общим местом. Все непонятное относят к «раннему», подражательному, позерству, ребусам и буриме. Но музыка спасает, ее становится больше и больше. «Стихотворение Поплавского прелестно по звуку», — говорит Адамович. «Неуловимую для других музыку он слышал всегда», — это Газданов. Чуть выше: «У него могли быть плохие стихи...»

Поплавский судит ровно наоборот: «Мои стихи в «Числах» вызывают во мне одно отвращение». Он, по-

хоже, не чувствует собственной поэзии, чистого от безобразного не отличает. Да нет, отличает, просто ему нелегко от «сатанинской гордости» отказаться, нелегко принять новую форму аскетизма, нелегко «понятно» и только «понятно» писать для тех, кто не привык к «нагому безобразию», которое он ставит выше. Не может сдержаться — и новое разбавляет «шумом». Он музыку слышит совсем не ту, которой его оправдывают, а другую, именно неуловимую. Ту, что звучит и в «плохих» его стихах, которых не может не быть. Слышит ее всегда, вот это правда. «Классики» никак не осознают, что была она с самого начала, а «разглядевшим» невдомек, что она продолжилась. Фолия замедляется до дрёмы, но фолией быть не перестает.

Когда мы сравнивали Поплавского и Балля, мы делали это не случайно. Один из самых ярких и «резких» (о наскучившем «резком» надо бы пореже — с этим прицелом и повторяем, намеренно) дадаистов писал в 1916-м:

«Я не знаю, сможем ли мы, несмотря на все наши усилия, перешагнуть через Уайльда и Бодлера; не останемся ли мы всего лишь романтиками. Ведь есть и другие пути постижения чуда, другие пути протеста, например аскетизм или церковь...»

Натворив безбожностей, Балль обращается к христианству, любимому им всегда. Обывательская критика не может разрешить это противоречие, усматривает здесь одновременное преклонение перед свободой и властью, пытаясь вписать художника хоть в какую-то систему и совершенно забывая об основе дада — принципе проти-

воречия. Не раскаяние или предательство, а последовательное движение к чистоте и жизни ведут Балля. Как и Балль, ни в чем не изменяет себе Поплавский. Тоже ушел в христианство, но полное мистицизма и гностических искушений. А еще его аскезой, «другим путем», его гвоздями в гроба издыхающих, искорчившихся «футуристов» (их гибель очевидна была и для Зданевича) стали чистота и понятность (что спустя годы учитель повторит). Сбавить тону. Даже перестать преодолевать Бодлера.

«Нежная девочка... И стихи понимает», — он говорит о любимой. Чтобы прочесть его, понимать в стихах надо не хуже, иначе все рассыпается, пузеля не сложить; разъято, смешано, разбито. Загибаем пальцы: футурист (кубоимажонист), дадаист, сюрреалист, замумник, (пост)символист. Художник, едва не музыкант. Бестиарий влияний, непрерывное становление. Он *всегда* пишет как будто очень разно (неподалеку от «педерастов в бане» — «Дева сиреневых слез»), но *всегда* узнаваемо. Его «постсимволизм» насыщен «наготой», всего лишь менее явной и откровенной. Извольте: прикрытой. Нарочито бедные рифмы, искажения, «фовистичность», нелепость, небрежность (пропущен длинный абзац о единстве формы и содержания) говорят о том же, о чем говорили дада его и сюр. Может быть, менее ярко, менее щедро, тише. От этого — отчетливей. О чем?

Следует забыть о красоте и уродстве, прямом и кривом: поэзия — активная, действующая простота. Отсутствие власти, как говорил предшественник. Даже власти безвластия. Она начинается там, где кончаются наши определения.

А ГОЛАЯ МИСТИЧЕСКАЯ КНИГА, которую Поплавский мечтал написать, это не только все его стихи, но все пресловутые «человеческие документы» и жизнь, конечно. Испытывая противоположности, он не разрывается между ними, а удивляет цельностью своего опыта. Если угодно, свободным «перетеканием» друг в друга всех его составляющих. Еще раз: эта книга говорит о сути поэзии; не о том, что все напевы милы, а о том, что не можешь писать иначе, даже когда превращаешься в свою противоположность. Поэт «без репутации», вечно незрелый, поэт «делания», мешающий золото с хилусом. Да, подводим к Введенскому, жившему лишь новыми своими стихами. Дело не в том, что последний о детях не пекся, а Поплавский составлял и хранил проекты будущих изданий. Несущественно. Документ Поплавского — черновик, осужденный, но сохраненный автором (не будем о Хармсе). «Ненаписанная статья» с «большими формальными недостатками». Но переписать ее нельзя.

Судьба его (и посмертная, которая важнее) — еще одна часть «голой книги» — *говорит, и говорит, и говорит о поэте*. Она принадлежит не модернисту-экспериментатору, разрывающемуся между сочными влияниями и эстетиками, а «тому, кто делает», сближает их творимой легендой, заставляет не бороться, но сосуществовать в новом качестве, необратимо воздействовать. Постоянным созданием новых ситуаций, где «классический» потенциал — не помеха, книга Поплавского закладывает основы нового восприятия и понимания. Как и в случае Блейка, Рембо и Хлебникова — очень разных носителей, воплощений единого: мифа о Поэте. Орфее.

Эта история, именно в связи с Поплавским, продолжается: молодые поэты по-прежнему разыскивают его стихи — и находят все более и более странные. Все загорается новое небо, точки отсчета меняются неумолимо. Вполне вероятно, что и «нагое безобразие», дикое все, насквозь, когда-нибудь станет скрижалью, константой. Не такая уж фантастика: было время — собрание сочинений Ходасевича казалось лишь прихотью. Заняв свое место, стихи Поплавского умрут, конечно же.

Но пока живы.

Кирилл Захаров

ПОЭМЫ

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name 'Л.С.' or similar, written in a cursive style.

поэма о революции

кубосимволистический солнцень

Знаете сегодня революция
Сегодня Джек Лондон на улице
Не время думать о милой Люции
когда в облаке копоты
Молнии
Зажглись над Лондоном
Сегодня знаете, из зори молотом
Архангелов куют из топота
Дышать учитесь скорбью зорь
Позор ночей пойдет на флаги
Затем что ваш буфетный колокол
Суеты
Которым мир кряхтя накрыли
Государств добродетельные кроты
От резкого ветра морозных ночей, чтоб не протух
Будет сталью ума расколот
И воздух дней скакнет шипя
в пролом стены богов коровьих
Метнется к солнцу терпкий дух
Аж зачихают с кровью
Залпов
Довольно роз без злых шипов
не потому что вы творцы
а потому что из бумаги
завтра другие маги
в ваши войдут дворцы

На столетий заостренных Альпах
Наступая старым на крылья
<С> тем чтоб плешивить на плечах сильных
Не будут модные мешать
Годам возвращаться ссыльным
Что плаху поцеловать разрешат
голове
Знаете завтра
В барабанной дробии расстрелов
Начнемте новый завет
Пожаром таким
Чтоб солнце перед ним посерело и тень кинуло
Знаете завтра
Снимем с домов стены
Чтоб на улице было пестрей
Даром сумеем позавтракать
И нарумяниться за бесценок
Всюду в Париже и на Днестре
Куйте завтра веселее
ту революцию
Которая не будет потерянным зовом в тумане
столетий
Которого называли ругательством
В логике ваших прелестей
Черной лестницы жизни
Довольно сердце гимназистку капризную
рубанком приличий стругать
Довольно картонную рубашку
Носить в селах
А под мягкостью пудры душевной

А в сердце блохастой закутке
Тысячу чумей пережившие
Вы
В облаке минувшего грохота
Вы с Заратустрой на козлах
Несете картонного Бога так быстро
Что с размаха идей отлогих
Слетите с земли выстрелом
Вам казалось, что вы везете
Золотую карету венчальных будней
К нежному подрядчику грядущего
Это вы одного Заратустру несете
От скуки заснувшего Вы
Смотрите разбудите концептора Еговы
Стрелы тоски в креозоте улыбок
В сердце натывает гуще
И архангелы в касках
На тенты туманностей
Из окон небоскреба горящего столетия
Примут прыжки угорелых душ
В разматавшихся портянках заношенных
истерик

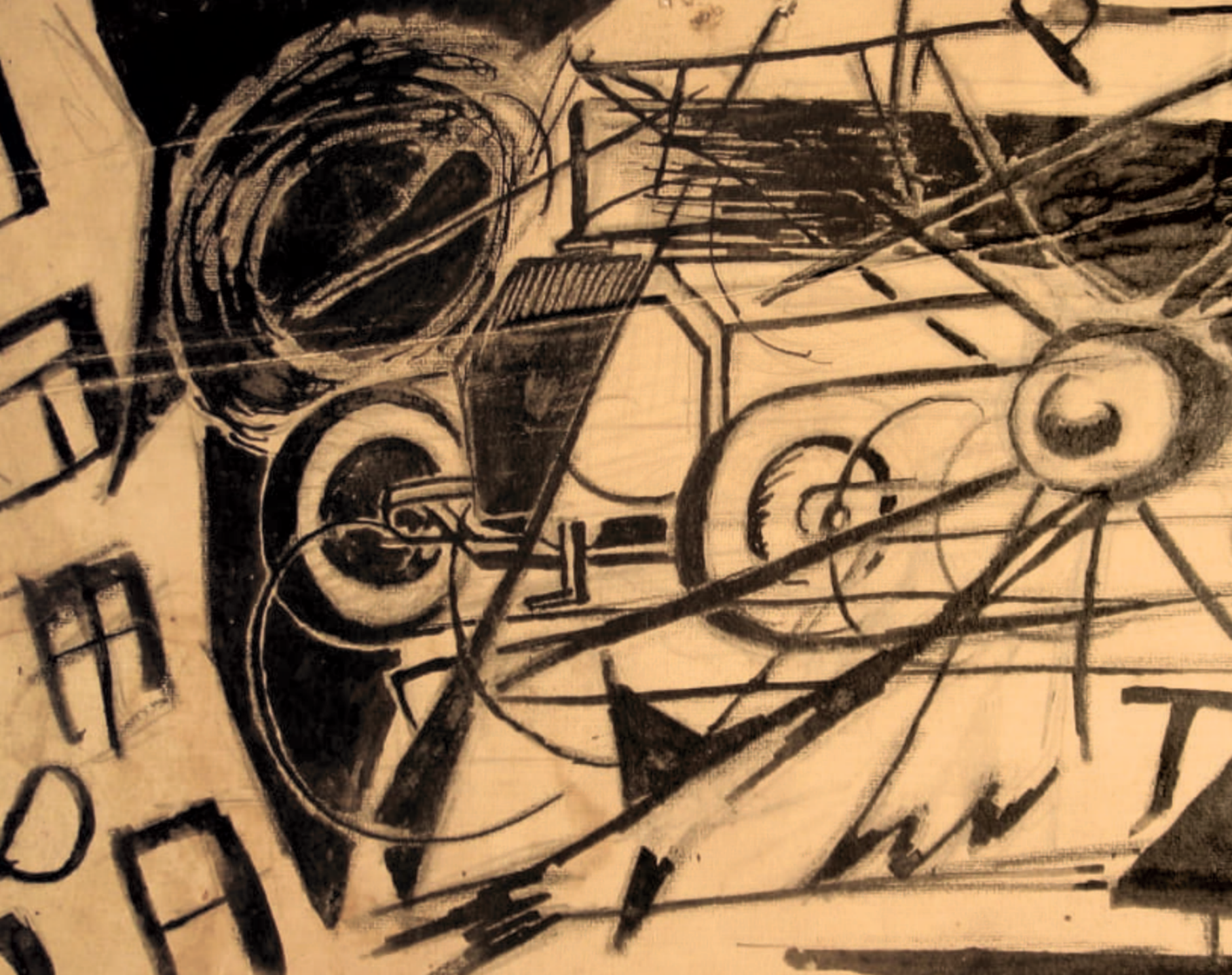
Негритянки из Конго
Белозубы с Терека
Скрижалю благодати пастушьей
Ударят в морду солнца гонг
И с смеха грохотом плетями
Болото мерности порасплескав гуманных
Пятой шлифованной из облаков
Шагнет из вечности революционный год

Смотри у космоса икота
От прущих плеч и кулаков
Как колесо велосипеда
На спящий мамонт налетя
Землеорбиту год победы
В восьмерку скрутит колотя
Тогда с седла одноколяски
Сорвется гонщик проиграв
И затанцует небо блеском
Тяжелый шар с кувалдой прав
Вы хотели немислимое
Сегодня ложкой машины завтра есть
Но глупость глупого палач
И колесницы Нови шины
Из железобетонной мысли
Сделали истерии глиняный калач
А пока панели зажглись в Лондоне
Там где прошел Джек Лондон
А ночью Мы мечом из копоти
Архангелов куем из топота

Константинополь, апрель 1919 г.

Новороссийск, январь 1920 г.

истерика истерик

опыт кубоимажонистической росписи
футуристического штандарта

Истерический всхлип с облаков.

Б. Поплавский

Искарיותы, Вы

Никуды

Я сам себя предал

От большого смеха болтаю ногами.

Крученых

Браво я тобой доволен

Пусть художник будет волен

А наука весела.

Ф. Ницше

*Моя рука рука глупца: горе всем столам
и стенам и всему на чем есть место
для украшений и пачканий глупца.*

Заратустра. III. ст. 225

*Иному ты должен дать не руку а только лапу,
а я хочу чтоб у лапы твоей были также когти.*

Заратустра. I. ст. 35

| 1 |

У Него пристальная голова, рассеченная пробором с спокойной истерикой в прорезах глаз, холодной, как блики на стали. Она — нечто фейерверочное, форма облачного моста, искривленная нервностью любовной спешки, угорелой суеты бульварной необходимости немедленной жизни. Жесткая немощь его бесподборочного счастья при

блеске наркотического магния въедалась в мрачные обои темных туманностей дней масляно-бесчисленной гладью узкоколейной реки с радужными разводами любовной нефти, стоячей канавы воспоминаний с чудовищным всплеском зоологического страдания, принявшей в свою дымчатую глубь стальные ключья теологических зорь, понтонных могил туч, невидимо бороздящих глубокое русло. Никогда не был этот человек собой, подобно тысяче заспанных смертью и простуженных жизнью агентов гудящего, как фабрика, города; сам был своим некто, на лазурной одежде неба, сине-эмалевом своде проникновенной профанации настоящей скорби чертил, ослепший от мерцания свечей, смеющихся чертей идеального человечества, как школьник мелом на засаленной спине лысого математика — этой зазубренной отмычкой несгораемого шкафа человеческой вечности, выроненной тюремщиком; некто, сожженным огромной слезинкой, граненой из огненной радуги неплачущей скорби Бога; некто, впервые растерявшимся от вопля при взрыве недостроенного пролета сумасшедшего моста человечества с коваными рельсами нервов на шпалах прессованных сердец к колонизированному ангелами солнцу. Чертил со свистом на громком небе моем ракетные орбиты Данииловых писем.

| 2 |

Рассеченное пробором Око его мутно любило улицу, глотая ацетиленовые улыбки моторного мелькания ее пестро-фугасных глаз, не беременело каторжной

скорбью розовых умников, разрешаясь неистово-нежным, к упитанным пульсирующим гудом рабочим асфальтированных рудников багрового отчаянья, чашоточного румянца раскалившихся площадей под мутно-пьяными глазами выпученных на режущие флаги из окон витрин.

Жесткоглазых рабочих, которые в каждое жесткое утро и истерически обязывающий вечер с прокуренных нор шестиэтажного логова, с шахтерной лампочкой кармина на искривленном коме бессоницы и скуки, через вихристые штольни подъемных машин, заплеванные клетки социальной трансформации* стекали трахомными слезами к вечно простуженному надорвавшимся вентилятором лабораторному <нрзб.> осеянно культурного способа коллективного лечения старого слона человечества, застоявшегося в зверинце у бога, рельсовых объятий бетонного удава, гигиеническим прорезом морщинистого живота, поселковой дороги пасторальному ветру, в визгливо урчащие галереи сводчатым дымом и туманом с ватной прослойкой истерик в крикливом воздухе; с библейскими маяками звезд лиловыми бликами тревожно скрипящих юпитеров, на каплях сырости громоздящихся верст столетиями оседающего потолка усталых небес в ссадинах копоти, царапинах дыма об черные зубы труб,

---

* Здесь заканчивается второй лист машинописи (начиная с последних трех букв слова «трансформации» и заканчивая словами «в зверинце у бога» текст написан карандашом на обороте листа).

которые нагло скалит улица у подкрашенных суриком губ из крыш. К копотным трамваям, светящимся вагонеткам потно-глыбастого труда, к красно-стремительным взрывам рудничного газа, выкряхтанного сердцами в портянках сволочи, рушащих на плечи сутулых от преющей силы блевотину аккуратного космоса в тысячах тонн шрапнели; к суетно-близкому, как дрель дантиста, маховому сознанию необходимости улыбочато существовать, томительно намазывая на сверлящее сумасшествие бумажного хлеба маргаринное масло электрического света.

За забором пробора паяц не беременел сердцем, искрошенным в электрический суп, только, прищурившись, ставил отрывисто бьющиеся лохмотья грасирующих истерик, вырванных черными от легкомысленных трепанаций апельсиноподобного сердца хорошеньких нищих духом ржавыми ножами своих рассеянно подведенных глаз на движущиеся тротуары рельсодинамики своей дребезжащей интуиции, на аккуратно смазанных иронической реакцией шарикоподшипниках из женских глаз; молоча одинаково неистовой массивных электороотливок, образного эха, очередного кривомимичного выкидыша на резинке усталой стилизации или пыхтящего фуникулера нагромождений к верхней площадке из гипнотического солнца, на ископаемой спине пузатого дирижабля эрудиции. С смеющегося размаха ленивых концепций, как и по броско-эротической раскрепощенности стилизованной куклы из магазина Изы Кремер или по нагло-тревожной кувалде улыбки громко-картавой апос-

тольской радости чумных зазубрин пудренного лезвия, победно носимого проституткой штандарта, красного от крови зарезанного Бога.

А по мощным переулкам сердца все громыхало * лезвиями колес из отточенной логики — лязгающая поступь колоссального векселя — удушливыми балками, сетью колючих безжалостно координированных честолюбием воспоминаниями, — векселя, криво и косо исписанного Вечностью «с тех пор», измазанного кровью варварского маникюра эстетики, в пьяных подчистках, нарочно закапанных едкими чернилами любовий, с масляными лысынами разбрызганных, <в> эгоистической слюнявости пушечных возвратов, рабочих взрывов, неумелой нежности смазочных слезо-облачных подшипников в клепаном черепе Его многоцилиндрового сумасшествия.

Сутулые номера, украденные крашеным сутенером прошедшего.

Семнадцать астрономических нулей поставила оглохшая от выстрелов певица <?> в растерзанной кофточке застрелившихся материков и пьяных морей в замусленную тетрадку Евангельских откровений.

Семнадцать новых безмолвно хохочащих пастей невидимых капканов потухших орбит, сорвавшихся с оси обглоданных маховых колес в неосвещенные сараи гудящих мастерских вечности на звериной тропе венчальных столетий.

---

* Слово зачеркнуто. Вместо него вписано карандашом другое, неразборчивое.

С тех пор, когда из заплеванного вагона полицейского Экспресса Стратегической дороги, из параболической мерности темных туманных пятен, между боевыми гаванями крикливых узорных и пестрых городов: стремительных бегов в газообразном золоте победных радостей. Чугунной скользи колоссальных отливок терпкого безумья в откопанные провалы нарвавших могил, мрачные колодцы головокружительных туннелей, в чернильное небо Встревоженного ГРЯДУЩЕГО.

С тех пор, когда на географический перрон эстрады из потного грохота Двенадцатидюймовых пропеллеров, чеканящих бронзовые морды тропически радостных полдней, то гулкие зрачки полированной непроглядности Черной громады полночней.

А на промозглой ряби серо-защитной мути усталой вечности каторжной чуткости маховых будней лопающиеся пузыри сумасшедшего грохота с вздувшимися жилами проводов на клепаных * лбах дневного ожога громовых памятей в клетчатых лохмотьях гремящей гари фабричных корпусов. Удушливые взрывы пресованного грохота, чугунная мелодия ночного дрожания арсеналов и верфей, солнцегремящих броневиков из прокованных туч <нрзб.> молний за пристальными зрачками чутких орудий в кружевных кофточках блестящих механизмов, захлебывающиеся визги восторженных пулеметов, победные петли никелированных метеоров с оглушительно орущими пропеллера-

---

* Слово зачеркнуто. Вместо него вписано карандашом другое, неразборчивое.

ми, прихотливо вырезанными из неба разноцветными крыльями, прошитыми серебряной проволокой истерик арсеналов и верфей. Металлические здания громоздкости улицы, ухабисто мощеной черепами издохших планет — громоздкая четкость улицы пантеизма, гудящей двигателями столицы, накокаиненной истерикой смеющейся поступи мерного синтеза Сиятельной Вечности с сбившимся в астрономическом беге шиньоном дыма.

Гулкие пролеты трясущихся небоскребов интуиции, залитые могучим светом электрических солнц, восторженных кранов с стеклянными ящиками бенгальского наркоза в блестящих шарнирах стального кулака.

Семнадцать лет как между правой и левой бесконечностью спрыгнул из заплыванного вагона лысый агент в измазанных пеленках ношеных недель сутулого детства к пыльной решетке зевающего исступления сточной клоаки Современности, вокзальной мути, к общморганному буфету сентиментальных возможностей, бесстыдно заставленному дешевыми стеклянными тарелками холодного супа любви с плавающими пятнами сала, стертыми монетками серой эротичной мило-голубой богадельни надорвавшихся зорь. Семнадцать и Тысячу нарочитых усталостей от бьющих шумов случайно изжеванных зорь.

Поэтому в режущий сумрак каждого сегодня образно лгал о себе до того четко, что никелированные пальцы ассоциаций, наматывая, как вожжи, взъерошенные нервы, ежедневно купали его в удушливом ужасе зубчатых пролетов млечной раздвоенности, заставляя

издерганно теплится сверлящие памяти надоедливых бенгальских огней на улицах духа спасительной ваты в зубчатках мозга.

| 3 |

А когда размахавшийся маятник небесной четкости обязательных восходов и закатов громко застрял между сонными зубцами стертой зубчатки деревянных будней, сцепившись, как крутокормый бронзоносый разбойник, укусивший обрызгший борт распухшего золотом купца с желтыми морщинами заспанных ветром парусов железными клыками неистовых крючьев фейерверочного абордажа; сцепившемся коме багрового от крови праздника орущего пламени подожженных истерикой трюмов обессиленных будней, радостно грызущего с воем высохшие перегородки к пороховому погребу цинковых бочек, с сердцем обезумевшего * бандита, конвульсивно срывающие полезные щупальца взаимного чувства на каменной мерности головокружительной скользи окровавленного пламенем бьющегося кома случайностей, по мокро-блестящим хребтам ископаемой резвости зубчатых круговых валов, разошедшихся со скрежетом радужными кольцами пушечного прибора времени, под облачной пяткой недавно наступившего бога, пляшущей скользи минутных дребезг к зазубренным берегам тропической смерти.

---

* Рядом карандашом приписано не совсем понятное слово, возможно, это «случайно».

А когда на фатальном четырехугольнике центробежной истерики календаря недель заскочила окровавленная тряпочка, четкий штандарт сумасшедшего праздника случайности, безукоризненно закованный в балахончик модного излома Безответственный Он на вечерних улицах громыхающей жизни мучительно думал, что думает, как выстрел браунинга в кармане пьяного неожиданно встретил Предтечу в электрическом щупальце магазина, раздавленного на тротуаре, крашеного вырожденца с тысячелетним пробором на пудре головы. Через сотни родильных радостей рекордных сальто-мортале дверного хлопка в суетящуюся междупланетность, с вечным несессером отточенных истерик, пантеистических зеркалец, элегантных говений Коммивояжер Космоса от огненных и серных гимнов скорбного пустынножителя громо-солнечной поступи ало-радостных зорей танцующего грядущего с грациозно-надоедливым забеганием вперед, прыгая с кратера на кратер библейских букв через еретическую скуку к эротическому золотоволосью Четкого Века цветных стекол, на плохо чеканенные деньги остроскулого герцога в причудливой меди призовых лат с фосфоресцирующими пентаклями на кожаных оборотах, через горькие вензели ассонирующих слов.

Меж звонкими этажами Шелкового гавота стильной архитектурной похоти из цветного майолика к потному времени в разматавшихся портянках из напестрельного полога, вбивающего ржавые гвозди бессмысленных гибелей в головы неспособных или больных подмастерий и учеников. Аккуратно умы-

тый позавчерашним альковом, крикливая девочка с асимметричными членами мерзкой наследственности взорванных жизней — Предтечу, скрывающегося от мобилизации космоса, форменным мальчиком у захарканного лифта искусства, мягкие двери которого отрезали немало пухлявых пальцев внутренних романтических женщин. Одного из патентованных далее высоконаучного небоскреба попыток. На ветру революции простудившего сердце времени — отдохнуть на середине прыжка в лазурь.

Раскашлялись.

О супе, о солнце, о гидравлическом поцелуе наркотического наитья, о социал-аллегоричной патетике иконами бронированных фейерверков шестидюймовых слов, но через патетическую горсть скорби испепеляющих плевков разговора двух плешивых трагиков после акта романтической ненависти; о париках или тухлой семге сальных анекдотов в арестном доме солнцегремящего выкрика; или покровительственных похлопываний по квадратному плечу пролетающих мимо двойных трехцветных солнц атлетических юнцов, честных отцов многочисленного семейства, простуженно рыскающего по холодному эфиру, вежливо чихающих в огромные платки из темных туманностей — спектрорежущие протуберанцы в добрую пару Млечных путей.

Как автомобиль в витрину кафе, врезался звонок внутреннего телефона. По откинувшемуся окошечку с штампованным изображением дореформенного архангела звонок визгливо кричал из частного кабинета Егоя на мебелированных Гималаях лязгающего духа. Предте-

ча лениво вытащил золотой портсигар с модернистическим рисунком, элегантно прикурив о Канопус толстую папиросу собственной набивки. Разбросал лакированной ногой улыбки говеющую кучу вопросительных знаков, нахарканных зрачками, растущими от удивления на смазанную серость гудящих канцелярий и мастерских аккуратного Космоса, как круги на буколической луже, и сказал: «Просто сейчас в асбестовой трубке небезопасно в пожарном отношении». «Молнии, громы и голоса — одна из звездно-официальных традиций на работе в желудке подклеенного монизма», — прибавил он с улыбкой, создавшей несколько вулканических островов и землетрясениями эффектно обрушившей несколько уцелевших подводных храмов на Атлантиде; кое-где загорелись новые звезды. «Простите, я только на одно воплощение», — у телефона оказалось, что из-за искренней минуты заторможенного Куковского гида, сиятельно-культурного рационалиста во всеоружии железобетонной окрыленности снисходительно концептуализирующей эрудиции.

Из-за искренней минуты лифтового боя вечности, напوماженно демонстрирующего оберточные зори мистических взлетов в инкрустированные живыми глазами передохших от эпидемии Заратустро-смеха серно-медных представителей апокалиптического зверинца, оловянного ларца в футляре из золоченых облаков. Взлетев в никелированные возможности духовного сладострастия познающего, сорвался с высоты десятиэтажного солнца на резко мертвящий ветер маховой млечности бесконечного ремня звездных полей,

плешивого от сытости страдания одного из зацелованных софистов из эротоизмученных, заселяющих клопастую ночлежку ониксовых зрачков газетного идола прогрессирующей современности, звездных мотивов бряцания, сутулых всхлипов лавровенчаных поэтов с капустой в бороде.

Ему, слышал я, вычли из жалованья каменных тысяч процентных возможностей яркого случайного Аккуратный космос в железных очках на символическом безглазьи, архитектурные восторги двух интересных тысячелетий и почетное акушерство у какой-то планетной системы с длинным названием.

| 4 |

А я пошел дальше, спотыкая и кашляя ювелирный смех.

А хромая душа моя, контуженная криком настоящего страдания, душа, вздущаяся и потрескавшаяся местами, тогда когда чугунными пальцами маховика Хочу схватилось за режущий пламень молнии тоски о предвечном ожерельи из разноцветных солнц, сорванным человеком, как рабский ошейник с астрономической росписью Еговы.

В отдельном кабинете вечности, аляповато расписанной апокалиптическими зверями за исторический брудершафт <с?> наглыми тысячелетиями с грубо подрисованными фабричной копотью глазами выцветших икон, с тонкими губами растрескавшихся окопами мостовых, липкими от ликерной крови изжеванных революций.

Толченого дьявола фарфоровых лет в кипящей водке мессианских надежд из чугунного кубка Последнего случая.

Пестрой истерики чернильного зева колоссального пакгауза недоношенных лет подарил из сострадания чахоточному прошлому клепаную маску лязгающего себя. Впервые разбежавшись в зеленокрышем, еще не захарканном топкой гарью рыжих фабричных корпусов буколическом мезонине своего заплаканного синтеза колючими облаками торопливых ангелов с лиловыми колчанами исполнительных молний.

Тогда когда, впервые раздвоясь, попробовал Гулко-го развенчать масляной пятерней рабочего движения, дрожащей от бесчисленных поцелуев паровых молотов в красные губы раскаленного будущего, бесчисленной стремительности взрывов космического неразумия рабочих громов современного человека — шаровых молний в переднике поршня, с мелькающей лопатой улыбающегося электрическими бликами шатуна; дрожащей рукою, ковавшею громоносную улыбку Становления, строившую, мол, для комет залпами гаубиц, вбивавшую сваи дохлых восторгов трибуна железобетонной улыбки, истинно громоносной. Достроенная вровень с глазами бога трибуна человека и эстрада для молнии. Настолько высоко вырос человек, что молния поразит и убьет его, Заратустра. Молния ужаса перед мелькнувшим ослепительным ликом мятежного серафима в порфирах прищуренных дьявольских глаз. А в гнилых оскалах проваливающегося рта — испепеляющее виденье свято целующих губ.

Раскололся человек и полетел, тяжело махая лиловыми крыльями, утыканными бесполезными пропеллерами.

И вот что рассказал мне дух мой: в приоткрытые веки из полированных облаков * грянули квинтессированные ночь, сон, пространство, бесконечность.

И не Бог убил человека — человек не вынес, что у Бога нет человеческих глаз. Молния ужаса поразила и разложила всякое сердце, ибо в то, что создал человек, создавший всегда найдет доступ. То, что создано, то и было разрушено: чугунные краны математических лязгов, понтонные дороги белых идей по небу лазурных случайностей, бронированные беги сиятельных коллективов, колоссальные параболы мостов эрудиционной интуиции, небоскребы монистического всеоружия на быках истеричного факельного геройства, зоркие башни концепций, подобные застывшим в воздухе ракетам из железа и стекла. Крылья режущее-желтой молнии ворвались в святая святых, ибо они оттуда простерлись. Дворец синтеза был взят приступом. И вслед за электрокаменным сердцем Духа Времени моментально выцвели и <нрзб.> бесчисленные сердца духов времени. Никелированные громы с красными бликами пожаров помогли саморазгоранию пакгаузов и элеваторов положительных безумий, факелы городов расписывались кровью своих зарев на траурных докумен-

---

* Над этими словами неразборчиво карандашом вписано несколько слов, возможно, как вариант на замену.

тах грозových небес, а по улицам жизни пронесились утыканные флагами выстрелов трамваи серебряных пальцев осмысленной смерти.

| 6 |

Но в этот год, как и в следующий, по-прежнему рождались дети, а в бирюзовой эмали осеннего неба, где красные глыбы закатного мяса вламываются в чуткую ясность эмалевой синевы, в молочном золоте примиренных облаков подолгу загорался крест и медленно гаснул для нового вечера.

Потертый и изломанный символ страдания почти что не имел уже собственного света, потому что люди на сапфировых чашках из опрокинутых небес почти что свесили кровь распятого миллионами чудовищных кровей. На радостном небе, где всегда голубая заутреня, Христос все чаще уходил в алтарь. А когда возвращался, то радость одежд Его была все более и более проста и ослепительна, взамен изумрудной брони кованой ризы первых дней становления.

| 7 |

Конвульсии стеклянных век моих, фыркая ассонансы, переехали напудренный снегом вокзал моей какой-то любви, впрочем, когда день осторожно очнул переулки моего незнающего сознания, а по вымощенным нарезан-

ными ресницами пустым утренним улицам моего черепа, сонно петляя ненужные взлеты, прошелестели с громом пожарные команды минутных страстей, я был даже зыбко доволен, так как с рельс сорвалась Новая Возможность, тревожный облачный выключатель новенького восьмицилиндрового сердца типа торпедо по радуге.

Пристальная голова, рассеченная пробором, сонно ступая ногами сознания в калошах довольных улыбок на изумрудно бумажный кол, инкрустированный золотыми пагодами, игуанодопами, рыцарями, задохнувшимися под тяжестью серебряных лат на гремящих турнирах.

Узорно-дымные, вечно готовые расцвести опалами филигранных грез материки сна, покорно выхаркнутые теологическим выкидышем, взломавшим сваи солнцеразящей плотины нарождающегося, Прометеем, под револьверным глазом чугунной отрыжки стоптанной за день души.

| 8 |

Сказала душа моя: «Я, сегодня чиркнувшая о солнце свой настоящий скелет, что я вижу?»

Тусклым пожаром минуты серой зажгла и расплавила золото божьих ланит. Ах, покраснел за вас и заплакал.

В божью слезу, в чадное море огня ввихрила тралящих пальцев горсть.

Здесь, где минута — роспись Сириуса на книге небесных катастроф, фейерверочный закат тысячелетнего дня.

Я.

Ломкая мензурка с квинтессированным космосом. Взорву гаубичной мелодией лопающихся нервов донную мину своего извечного сумасшествия.

Разноцветно гремящим дождем испепеляющих слез истерики содомо-гоморрского неба.

| 9 |

А сегодня машу колоссальным штандартом с собственноручной пушечной печатью заходящего солнца современности с красными от звездного мороза щеками, с преждевременно обрюзгшими морщинами наркотической бессонницы и эротичной скуки. С каббалистическими пентаклями будущего на кирпичных оборотах, с кляксам потных облаков, с забытым отсветом революционных пожаров, вышитых золотыми нитями гипнотического наитья, серебряной проволокой истерик, агатовым бисером конвульсивных зрачков наркотических откровений, остробоккой сталью никелированных вензелей смеющейся эрудиции, прожженный раскаленным рисунком сумасшествия, продранный чернильными молниями вертящейся пустоты израненного взгляда терпеливого Бога. Ждущего поступи двенадцатидюймового гр<охота> отдаленной дроби убийственной. То раскаленного расплесканным солнцеразящим хохотом холодного супа сутулых любовий в стиранных портянках физиологической трезвости.

А сегодня машу одной из бесчисленных каменных плащаниц самой высокой из башен смерчей, выброшенной задыхающимся воздухом в промозглом осеннем тумане спокойной истерики, прослоенной режущим дымом сгоревшего мозга великого числа концептора железобетонного облака лет, имя которому 1000. Поистине хороший улов сделал сегодня Заратустра: ни одного человека не уловил он, но зато уловил

ТРУП.

Ростов, ночь 16–17 октября 1919 г.

Новороссийск, январь 1920 г..

и всеобщее представление
Шестьдесят образы и различные формы
и всеобщее

Handwritten text in Cyrillic script, likely a list or notes, located at the top of the page. The text is partially obscured by the sketches below.

мрактат о гуне

Посв<яцается> Илье Зд<аневичу>

<пролог>

Le songe produit la vie
Et la vie reproduit le sommeil
A cause de la mort de Sylvie
Un jour de printemps vermeil

Quand on vit que la statue
Tourne comme le soleil
Et se tue comme une tortue
Qui aurait perdu ses ailes

Mais assez de mon invisible
En avant les vrais feuillets
Qui tournent autour de la cible
Comme une balle on un caneton

<1925–1927>

песня первая

Не удадай гуны она вошла инкогнито
И на лице ее простой ландшафт
Идут на нет и стонут в море вогнутом
Кому спускается ее душа

В кольцо гуны включен залог возврата
И повторение и вздох высоких душ
И пустельги и прочих рата трата
Нога луны горит во сне в аду

Забава жить двуногая загава
Качает мнимо этот маятник
Пружины нет но есть любовь удава
Вращающая огни и дни
Дудами баг багария бугует
Рацитого рацикоко стучит гоось
Бооогос гося богосует
Но ей луна впилаь от веку в нос
Косо осма̀рк пикельный спїлит
Доремифа соля сомнеонолла
Чамнага мнази погибать соля

песня вторая

Всего стадий у луны шесть
Надир и зенит
Офелия и перигелия
Правое и левое
Париж и Лондон
Но Ты поскукал скукики
Но помукай мукики
Но ты покукай кукики
Но ты помракай мракики
Но сракай сракики
Подстава у нея триангулическая
Радиус длиной со срадий
Пуписи отрицают это
Но острогномы смеются над глазом
Глубина ея сто сорок тысяч ног
Водоизмещение ея отрицательное
Широты у нея не наблюдается

п<есня третья>

Первый ангелас: Мууу тууба промутись к муукам

Вторый ангелас который оказывается тем же
самым где-то близко и сонно: Буси бабай дуси

дамай самумерсти не замай

Третий ангелас который оказывается предыду-
щим громко и отрывисто как будто его ударили

сзади ногой в сезади:

Усни Усни кусти, такомай, шагомай, соуууоу пик

Свертилиллиолололосяся

Кружится и танцует на одном месте

Первый ангел опять все тише: Муууудрость

Гуна вдруг просыпается и говорит

Non mais merde

И тотчас же все рыбы исчезают

песня четверт<ая>

На луне живут я и моя жена
На луну плюют я и моя жена
Луна не любит ни меня ни моей жены
У попа была луна
Он ее убил
Но увидев что она моя жена
Он ее похоронил
И надпись написал
Здесь останавливаться стро<го> запрещается
а также défence d'afficher свои чувства
Ооочень это пондравилось
Тогда я дал попу по пупу
Толстому по толстой части
и с тех пор
Сетаси молчат
Гунаси мрачат
Стихаси звучат
Ангеласи мычат
Во сне

п<есня> пятая

Улу уу уу уму пикилисиси калилисиси
Табака кури кури
Рыбака в муре в муре
Ќувиввививисюсенка
(Басом) Ансу Ансу Ансу
Шаробан полиспас падеспань в поле спас
(Торжественно) Перамидонна
Послушайте тише луна намеревается менять
белую муку на черную
Пелеполох шум, слепая астрономия
сопротивляется
Но телескоп вдруг срывается с места и удаляется
танцую на одной ноге как жезл Аваона

песн<я> шестая

Луна входит и поет по-итальянски
На ватусе гумигане
Биб сруля и без дадрит
Пипо падут в мечтанья
Горы церкви запретил

Из гроба встает Лермонтов быстро и прямо как
на пружине: Пазвольте милсдарь!
Но сцена моментально наполняется чертенятами в
синих мундирах. Его вталкивают обратно и * засы-
пав это место песком. Аккуратно сажают на него.
Аурокарию
Луна удаляется неестественно театрально
и зловеще хохоча.

---

* В рукописи здесь дважды повторяется «и», вероятно, по ошибке автора.

песн<я> седьмая

Молчите Молчите

Душа отходит

от берега

Ко сну

от меня

Любопытный голос из публики: он кнок довн или

Кнок аут

Голос торжественно

Нет он аурокария

Которая задушила самое себя

Собственными листьями

п<есня> VIII

Сугибадама мукипадана скукиадама
Оповторись
Сныгероина мимаомима мнимадолина
Остановись
В муремракуне тристандакуле
Пустибегуса ку пе ку
Камелуруса кас века
Сонмеломана пигимиката
Военнопленна суервега
Орудия стреляют
Флаги опускаются
Войска отходят ко сну
Мужские истории забыты
О кукумара
Слишком поздно
Калачить

п<есня> IX

Жулеписи писимесика писиткрадуся
насолнцекрабрех
Лимонидаса спит с Джиокондой
Мундаллина далия да
Люстия хромо хотово кокс
На синюю луну — Луна Луна
На желтую луну — земля земля
На красную луну — Вода вода
На черную весну — Весна весна
Войдите вы увидите поклон луны
Умрите Вы услышите ответ весны
И снова будет на морозе лето спать
И лепестки желтой розы есть и рвать
Сон меломана будет повторен
И белый снег романа обагрен
Всегда река текла назад к Тебе и в ад
Луна катилась сквозь века в адамов сад

<песня десятая>

Луна поет на высоте
Земной души
Но сон хватает в темноте
И задушил
И задушевно повторяя
Как всегда
Он руку тяжкую роняет
На года
Сублима мнимоитд — Нас века
Ундина металоид — с потолка
Курима врамопоста вкапанга
Урима рогохоста пасть в закат
Киламидаса
Спыхалидаса
Сырыгази

стихотворения

| * |

Я прохожу. Тщеславен я и сир,
Как нищие на набережной с чашкой.
Стоит городской, как кирасир,
Что норовит врага ударить шашкой.

И я хотел спросить его: увы,
Что сделал я на небольшом пути,
Но, снявши шляпу скромно с головы,
Сказал я: «Как мне до дворца пройти?»

И он взмахнул по воздуху плащом,
Так поднимает поп епатрахиль,
Сказал: «Направо и чрез мост потом».
Как будто отпустил мои грехи.

И стало мне легко от этих слов,
И понял я: городской, дитя,
Не знает, нет моста к созданию снов,
Поэту достижимому хотя.

<1924?>

| * |

И каждый раз, и каждый раз, и каждый
Я вижу Вас и в промежутках Вас.
В аду вода морская — жажду дважды.
Двусмысленная острота в словах.

Но ты верна, как верные часы.
Варнак, верни несбыточную кражу.
О, очеса твои иль очесы
Сбыть невозможно, нет разбить куражу.

Неосторожно я смотрю в лицо.
Ай, снег полярный не слепит так больно.
Ай, солнечный удар. У! дар, довольно.
Разламываюсь с треском, как яйцо.

Я разливаюсь: не крутой, я жидкий.
Я развеваюсь, развиваюсь я.
И ан, собравши нежности пожитки,
Бегу, подпрыгивая и плавая.

Вы сон. Ви сон, как говорят евреи.
В ливрее я. Уж я, я уж, уж я.
Корсар Вы, полицейский комиссар. — Вищу на рее.
И чин подчинный, шляпа в шляпе я.

<1925>

Безнравственный мир, мой, мой, в атомную
Может быть мир великим, без
Мест, может быть, некоем

СОН
Тень
Рана
дно
Штаны
Низ
МЕНЬШИН
ЛЕКЦИ
Олова
Олололо
Пасты
Плоскость
Столбе
АМЕРИКА

соприкосновение

ВСЕЛЕННАЯ
вращающаяся
вращающаяся
вращающаяся
вращающаяся
вращающаяся

(пло)ху

аудио

$$a + b = c$$

$$\infty =$$

МАНТУА

МАНДУ

МЕНЮ

МАНДА

двух

НОСОВА

иная часть от всякой кафедры
 имено кривые **аист мой аист**

иереи ие прдвдши кошат
 де тот кто смотрит ок видит
 ертемел
 об село турин
 и **Сода, димрмо**
 ешмирифиев и **иригубу**

наше
 мой доим
 и плауриш
 Премечено
 по подо льдом

Поди туда - конало пуда
 Прихесито - конало то

и восте кода лес гудеи
 игоблеу ходит удхелдидеи

кеверсон

~~иже~~ ~~вдолом~~ и ~~ишем~~ ~~модв~~
 сохора **Михилад** **Кривыми** и **Воздуше**
 дни **Воздушатов** и **моиго** **фудеи**
 наем **меч** **кен** **на** **архиве** **удинге**
 маем и **мог** **двем** **ам** **вд** **двем**

Исторический документ по истории

и жизни древних народов

и восточных народов

Исторический документ по истории

и жизни древних народов

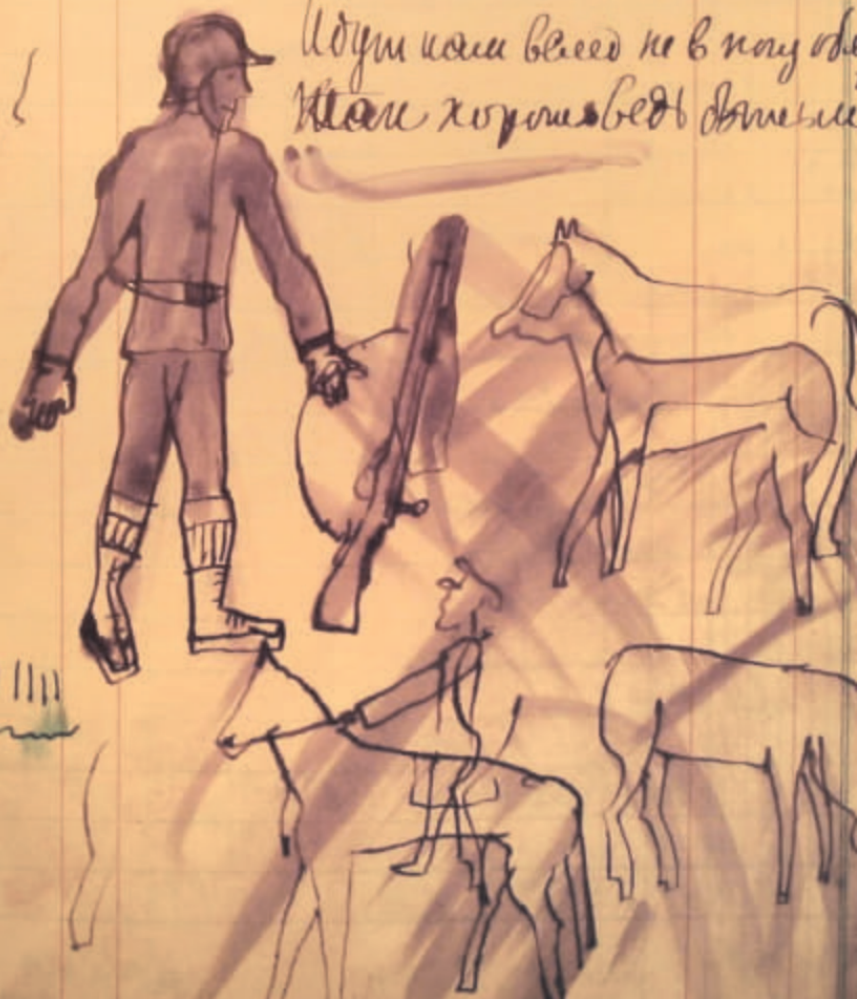
Исторический документ по истории

и жизни древних народов

Исторический документ по истории

Исторический документ по истории

и жизни древних народов

| * |

Убивец бивень нечасовый бой
Вой непутевый совный псовый вой
Рой о бескровный о бескровный рой
Куй соглядатай о даянье хуй

Со ооо вообще оооо
Аа кри ча ча че а опиздать
Езда о да о дата госиздат
Уздечка ты узбечка волооб

Саосанчан буяк багун-чубук
Букашка кашка детская покажь-ка?
Оубубу бубубны пики шашка
Хуитеряк китайское табу

Уливы ливень бивень (выш. мотри)
Сравни сровни? нини два минус два шась три
В губу вой брык тык бык три в дуду губу

<1925–1927>

из еврейских мелодий

К тебе влачиться Боже волочиться
Как положиться с нежностью жить
Жид он дрожит я жит что прочь бежит
Бежит божиться что пора лечиться

О дня не пропускал я не пускал
Тоска течет как жир свечи сквозь пальцы
На пальцах мраморная доска
Иглой проткнешь ли нож ли нож упал

Я долго спал искал во сне вас нет
Вы сны не посещаете знакомых
Они не смеют в сон принять сон дом их
Их беден дом бледен день как снег

Нельзя нам снами где-то не встречаться
Ручаться мог бы против за не мог
Я занемог лью блюдо домочадца
Я светом облит я дрожу намок

1925

art poétique

Моя любовь подобна всем другим
Нелюбящих конечно сто процентов
Я добродушен нем и невредим
Как смерть врача пред старым пациентом
Любить любить кричит молодой холуй
Любить любить вздыхает лысый турок
Но никому не сладок поцелуй
И чистит зубы сумрачно Лаура
Течет дискуссия как ерундовый сон
Вот вылез лев и с жертвою до дому
Но красен горький пьяница лицом
Толстяк доказывает пальцами худому
Шикарный враль верчу бесшерстый ямб
Он падает как лотерея денег
Шуршит как молодых кальсон мадополам
Торчит как галстук сыплется как вейник
И хочется беспомощно галдеть
Валять не замечая дождик смеха
Но я сижусь лукавящий халдей
Под половинкой грецкого * ореха
Халтуры спирохет сверлит костяк
И вот в стихах подергиванье звука
Слегка взревел беспольный холостяк
И пал свалился на паркет без стука

---

* Рядом написан вариант: «дикого».

И быстро разлагаясь поползли
Прочь от ствола уродливые руки
Что отжимали черный ком земли
И им освободили Вас от скуки
Как пред кафе безнравственные суки
Иль молния над улицей вдали

1926

Шикарное безделье живет
Слегка воркуя голоском подводным
А наверху торжественно плывет
Корабль беспечальный благородный
На нем труба где совершенный дым
И хлесткие прекрасные машины
И едут там (а мы на дне сидим)
Шикарные и хитрые мужчины
Они вдыхают запах папирос
Они зовут и к ним бежит матрос
С лирической восторженной миной
А мы мечтаем вот бы снизу миной!
Завистлив гномов подвоздушный сонм
Они танцуют ходят колесом
Воркуют пред решеткою камина
И только к ним подходит водолаз
Они ему беспечно строят рожи
Пытаются разбить стеклянный глаз
Добыть его из-под слоновой кожи
И им смешно, что ходит он как слон
С свинцом в ногах (другое дело рыбы)
У <них> крокет у них паркет салон
Счастливое вращение счастливых

Париж 1925

| * |

Божественный огонь строптивый конь
Несет меня с могуществом поноса
А вы глядите дева из окон
Не видя дале розового носа

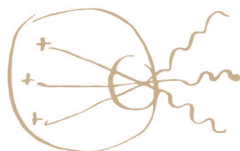
И вместе с тем прикован я ко вам
Так стрелка ищет полнос безучастный
Иль по земле летит стремглав кавун
Чтоб о него разбился мяздрой красной

Что может быть несчастнее любви
Ко вам ко вам о каменные бабы
Чьи пальцы слаще меда иль халвы
Чьи глазки распрекрасны как арабы

<1925–1927>

| * |

Черепаша уходит под череп
Как Раскольников в свой раскол
Плач сыновий и рев дочерий
Высыпаются с треском на стол
Но довольно этого срама
Заведите ротор мотор
Мир трещи как оконная рама
Разрывайся как ватный платок

| * |

Есть в этом мире специальный шик
Показывать что Ты лишен души

<1925–1927>

мифологическое представление
Души Автора

| * |

Мне ль реабилитировать себя
За преступление в коем все повинны
Кто улетал на небо бытия
Чтоб воинскую избежать повинность
Спохватываюсь и спеша пишу
С зловещими названьями записки
Слегка дымлю потом в петле вишу
Потом встречаю деву с легким писком
Над евою тружусь щипя власы
Под девою во мгле в земле гуляю
Иль ухожу на самые басы
Потом воркую или тихо лаю
Нагое безобразие стихов
Воспринимаешь ты как бы одетым
И спишь о странность тамошних духов
А мы пускаем газы бздим квартетом

<1926>

| * |

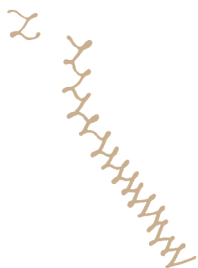
Акробат одиноко взобрался на вышку
Озирает толпу, что жует и молчит
Но оркестр умолк барабан закатился
Сладострастные дамы прижались к мужьям

А внизу хохотал размалеванный клоун
На спине расточая луну богачей
Он доподлинно знал о присутствии Бога
Профессиональный секрет циркачей

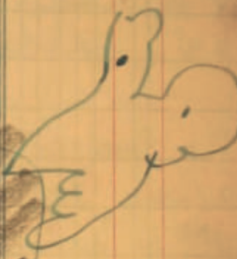
| * |

Исчезало счастье гасло время
Возвращались ангелы с позором
Черт писал хвостом стихотворенье
Шелестела жизнь легчайшим сором

уверено
тихи уверено идра
на степенет доине в бажан

~~и шкоти камината~~ и шкоти
иже собаки тихо и шкоти
алко уметост на шкоти

Линия
судьбы
КЛИНАСТ
НАХОЛМЕ
ЛУЧЬ
ТОБЕ
ВОЗВРАЩЕН

| * |

Луна часов усами повела
Цифирью ослабилась безобразно
Лежит душа с улыбкою вола
Во сне во сне возвышенно и праздно

| * |

В Америку ехали воробьи
На розовом дирижабле
Их встречал там Чарли Чаплин
Мери Пикфорд клялась в любви
И другие киноактеры
(Шура Гингер я впал в твой тон)
Заводили свои моторы
Надевали свои пальто

| * |

Я пред мясной где мертвые лежат
Любил стоять, хоть я вегетарьянец.
Грудная клетка нежностью сжата
Ползет на щеки нестерпим румянец.

Но блага что сжирает человек
Сего быка с мечтательной подругой
Запомнит он потом на целый век
Какою фауне обязан есть услугой.

Хотя в душе и сроден мне теленок,
Я лишь заплакал в смертный час его.
Здоровый конь не тронет до сего
Лишь кони умирающие конок.

Благословен же мясника топор
И острый нож судьбы над грудью каждой.
Ведь мы любви не знаем до тех <пор>
Как умирающий воскликнет «жажду!»

снежная пудра бульвара

Пудрится снегом бульвар пустой
Ночью тихо засыпают укусы
И раны от одичавшей жизни злой
Когда-то ласковой и золотисто-русой
Делает это куртизанка после свидания
Лицо помятое красное, исцарапанное ногтями
Засыпает слоем пудры
Чтобы опять служить любовным будням
Завтра опять новые раны следы
На свежем слое снега зачернеют гадко
И опять, когда уйдут они
Он будет пудриться украдкой
Спокойной пудрою молекул
Туманных блеск, себя покрыв
Под фонарем светящийся сектор
Снежинок света молчалив.

Handwritten mark or symbol in the top left corner.

Может человек подруга была Оружие
Кемодругих Кемодругих это и прозвучало
и подругих Кемодругих или в предании
Самое дело брали и сморили нарисовали

Может может Кемодругих Кемодругих
Кемодругих Кемодругих Кемодругих
Кемодругих Кемодругих Кемодругих
Кемодругих Кемодругих Кемодругих
Кемодругих Кемодругих Кемодругих

Может может Кемодругих Кемодругих
Может может Кемодругих Кемодругих

Может может Кемодругих Кемодругих
Может может Кемодругих Кемодругих
Может может Кемодругих Кемодругих
Может может Кемодругих Кемодругих
Может может Кемодругих Кемодругих

Jolies Actrices

Может может Кемодругих Кемодругих
Может может Кемодругих Кемодругих
Может может Кемодругих Кемодругих
Может может Кемодругих Кемодругих
Может может Кемодругих Кемодругих

бред

Сегодня мертвецы опять вбивают гвозди
в свои большие медные гробы
кровавых капель распухнувшие грозди
чертят перед глазами красные круги.
Смотрите там в углу сидит унылый дьявол
и ловит на лету летящий моноплан
когда-то был царем и он когда-то правил
Теперь унылый черт сошел на задний план
Какой-то там мертвец проснулся слишком рано
он будит мертвецов соседей по гробам
Фосфорический свет шипя течет из раны
течет и расплывается, загнивши, по губам
Я, кажется, больной и очень слишком нервен
Я, кажется, умру через четыре дня
нет просто тяжело какой-то орган прерван
но как светла и легка душа

Л.К.

В полдневный час белеет синева
В пыли старьевщик прекращает пенье
Меланхолически дневное синема
Чуть слышным звоном слизывают тени

Внутри рояль играет чуть живой
Над призраком какой-то славы прежней
Мир на вершине солнечной кривой
Замедлил шаг прислушиваясь к бездне

Больным сердцам мила дневная тьма
Но где-то дальше грохот отдаленный
И над скольженьем светового дна
По тонкой крыше тает шелест сонный

А вечером прозрачна синева
Лоснится кашель сыростью осенний
И холодом омытая листва
Средь желтых луж бросает ярко тени

Ах молодость тебя нельзя забыть
Косой огонь вечерняя погода
И некуда идти и некого любить
Безделие и жалость без исхода

Всю ночь в кафе под слабый стук шаров
О чем Ты пишешь. Утро голубеет
И соловей из глубины дворов
Поет таясь как он один умеет

Ах это все не верится Тебе
Что это так что это все что будет
В казарме день играет на трубе
И первые трамваи город будят.

ветер мирозданья

*Адольфу
бессмертному мастеру
гетелберского алтаря
в благодарность
за его восемь картин —
восемь сторон
христианского пентаэдра*

Вздыхает сонный полдень над обманом,
И никнет чаша дней, лия духи.
Бесплатным ядом, голубым * туманом
Сквозь тонкий ледостав цветут стихи.

Ты снишься мне, возлюбленное лоно,
Моих первичных лет; давно, давно,
Откуда звездный ветер неуклонно
Стекает в мир, как новое вино.

В своих волнах неся огни живые,
Звенящие цветы святых садов,
Согласно опрокинутые выи,
Уста, что будут петь средь толстых льдов.

С священных Альп, сквозь реквиум столетий,
Сползают плавно ледники огня.
В своих хорах поют согласно дети.
Работают, ждут праздничного дня.

---

* Слово зачеркнуто, вместо него вписано другое, неразборчивое, и тоже зачеркнуто.

Когда закат сиреневый ручьями
Слетит к их непокрытым головам.
Чтобы они вновь встретились с друзьями
На высоте, над отраженьем. Там...

Мм перекавал кардио кардио

Идеа вродим тиско в хитоме

Ворно воко

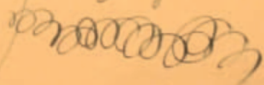
Ммт перекавал и тиско кардио

И вродим кардио сире в хитоме в

И идеа перекавал сире сире

И кардио вродим перекавал

идеа из обича идеа из обича

кактова

Идеа идеа идеа идеа идеа

И идеа идеа

!!!!

идеа идеа идеа идеа идеа

Lucky Day

и вено была новая жизнь счастья

и сверкала синей птицей

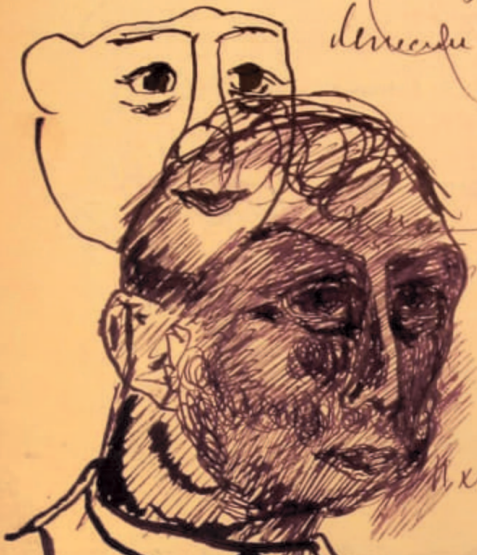
таже из подарков гасни

азиатские Калескины

Из нежности и любви
девушка злила мужа
улыбкой знала
мужа

Ах, как она любила

Она была нежна и добра

Кто знает, куда она ушла

MODELE DE VASE, PAR POLIPHOUS DE CARREGGIO

1299

ORFÈVRE

Impulsus variabile radio ~~est~~ facit

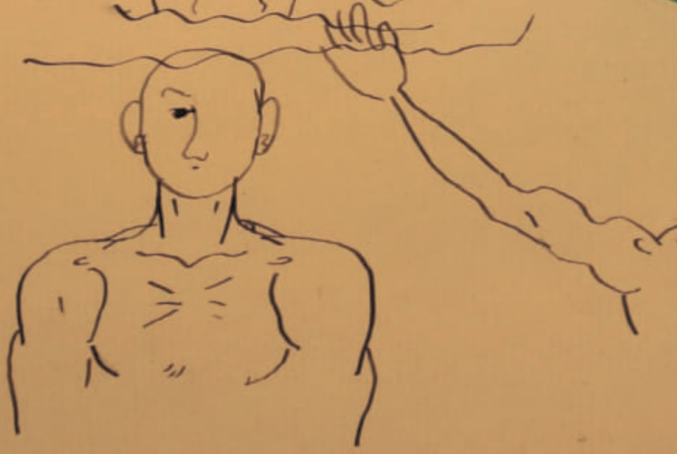
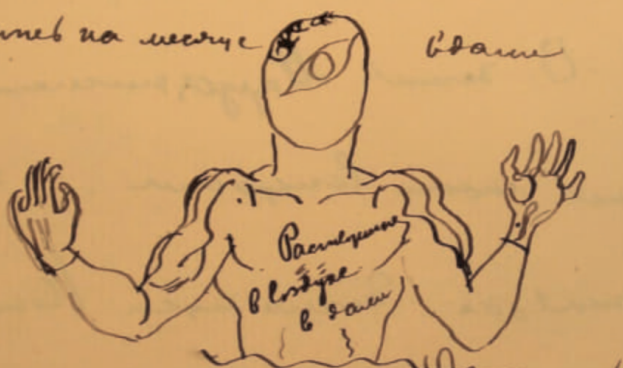
Individuum unum est sensus

~~Dei~~ ~~impulsus~~ ~~Beati~~ ~~somev~~
Beati ~~assensu~~ ~~barant~~ ~~nygnat~~ ~~weygraet~~

Wlent ~~to~~ ~~the~~ ~~0~~ ~~30~~ ~~imp~~ ~~to~~ ~~to~~ ~~to~~

~~Ita~~ ~~u~~ ~~u~~ ~~u~~ ~~u~~ ~~u~~ ~~u~~ ~~u~~ ~~u~~ ~~u~~

Urament na uerue ~~to~~ ~~to~~ ~~to~~ ~~to~~ ~~to~~ ~~to~~ ~~to~~ ~~to~~ ~~to~~ ~~to~~

ЗВЕЗДНЫЙ ВОДОПАД

*Адольфу
неизвестному мастеру
гетелберского алтаря
за восемь картин —
восемь окон в Рай и в ад*

На высоте, в сиреневых лучах,
Спокойно спит твое лицо над миром.
Взошел закат, сорвался и зачах.
Простила ты и отпустила с миром.

Смотрю, по горло погружаясь в зло,
Стоя пятями на кипящем аде,
Недвижна Ты, на звездном водопаде,
Беззвучно ниспадающем к земле.

Окружена лиловыми кругами,
Сияньем голубым, звучаньем крыл
И в крепких латах спящими врагами
И сонмами хвостов, копыт и рыл.

Нисходишь Ты, Ты пребываешь в сферах.
Поешь и молча слушаешь зарю,
Следишь с высот за шагом Агасфера.
Докладываешь обо всем его царю.

Тебе ли он откажет в снисхожденьи!
В сиреновом лице твоём весна,
Конец и срок невыносимых бдений
И окончательное прекращенье сна.

Золотая луна всплыла на пруде
Труба запела о страшном суде
Труба палила с пяти часов
Происходила гибель богов
Они попадали под выстрел трубы
Они покидали свои столы
Где пьяная скука ела с ножа
Мимо пристани медленно шла баржа
Город скрывался смеялся пилот
И появлялся плавучий лед
Дансинг медленно накреньяла волна
Им казалось что все это от вина
Они танцевали кружась и встречаясь
Под пение скрипок и крики чаек
С крейсера-призрака выстрел сверкал
Он провожал нас в глуби зеркал
И уж мы видели с наших мест
Над мостиком дансинга Южный Крест
Уж волны кругом меняли свой цвет
Со дна океана вставал рассвет
И по чистому зеркалу мертвой воды
Плыл розоватый и зловецкий дым
Где мы и что там в дыму ползет
Это белое поле полярный лед
Это шелк непорочных твоих похорон
Он окружил нас со всех сторон
Друг мой прекрасный ложись на лед
Смерть нас розовым солнцем ждет

Мы возлюбили ее вполне
Мы изменили родной стране
Мы целовали ее в чело
И миновали добро и зло

| * |

Отцы об стенку ударялись лбами
Работали ходили на врага
А мы живем как педерасты в бане
Хихикая и кашляя слегка
Они трясли красивые оковы
И мыли стекла кровию в дому
А я умею только строить ковы
И рассуждать как иегова в дыму
Начто тогда ты жил творянин Ленин
И кровь пролил и класс переменил
Когда садясь как дева на колени
Потомок твой мешает он был мил
Да проклят будь тот счастливый холуй
Кто мирно ест пунцовую халву
И говорит военный труд окончен
Поджаривайся жизнь круглясь как мягкий пончик *
Актер упал но роль еще живет
Она о новом теле вопиет
Негромкими но страшными словами
Еще молчит непробужденный мир
Всегдашно сторожим златыми львами
И тихо над пустыми головами
Смеется опрокинутый кумир.

1926

---

* Эти два слова зачеркнуты.

| * |

Луна богов луна богиня смерти
Вокруг луны кружит корабль лет
В окно смеются завитые черти
На дне души горит душа зимой
Луна во всем она горит во взгляде
Я предан ей я стал луною сам
И фиолетовой рукой богиня гладит
Меня во сне по жестким волосам

Venus fille de l'onde sonore

С. Кручинин

Хохотали люди у колонны
 Где луна стяла в позе странной
 Вечер остро пах одеколоном
 Танцовщицами и рестораном
 Осень пала середине лета
 На кленах листья оранжевели
 И возили на возках скелеты
 Оранжеды и оранжерей
 И с прекрасной альтовой гаммой
 Жар храпел на мостовой на брюхе
 Наблюдал за женскими ногами
 Мазал пылью франтовски брюки

неисходимый шлеп

Злились люди и не затворяя
 Отдавались медленно удушью
 К вечеру пришла жара вторая
 Третью к ночи ждали души
 Но жеманный сумрак лиловатый
 Пробудил умы открыл уста
 Вышел в ночь юнец щеголеватый
 Дева без рогов и без хвоста

И в лиловой ауре ауре
 Шла поумраку Лаура Лаура
 Навсегда прелеатна и ужасна
 Иза ной Перграрна с рожей красной
 Черные сирены и тритоны
 Дули в трубы мелкали в литавры
 И смеялся Фауст как на троне
 На спине ученого кентавра

И много мне друзей на
 расхола на троне
 "И много мне друзей на
 расхола на троне
 И много мне друзей на
 расхола на троне

И много мне друзей на
 расхола на троне

И много мне друзей на
 расхола на троне

Медвежий

| * |

Качались мы, увы, но не встречались,
Таинственно качание сюда.
Туда мы с искренним привольем возвращались;
В строй становились мирно, как года.

Безмерно удивлялись: разве это
Та родина, которая? та? ту?
Но уходило прочь земное лето.
Валилось сердце в смертную пяду.

Пенился океан цветочным мылом.
Вода вздыхала в раковине тая:
Ты исчезаешь, ты уходишь, милый,
Но мы не отвечали улетаю.

Кружась не замечали, не смеялись,
Не узнавали, умирая, дом.
Мы никогда назад не возвращались,
Хоть каждый день ко флигелю идем.

И так пришли к тебе к тебе бе! бе!
Ты слышишь, козы блеют перед смертью;
Как розовое милое бебе,
Как черные таинственные черти *.

Париж, август 925

---

* Далее зачеркнута вписанная автором от руки строка: «Богатые и бедные поверьте».

Смирение парит над головой
Военною музыкою и зыком
Морение схватило нас хоть вой
Распух от страха и жары язык
На сходку сквера мы пришли без зова
Увы должно без голоса уйдем
Слова излишние придали форму зоба
Полна вся улица она влезает в дом
Дом дом о дверь меня кричу нет дома
Не слышат притворяются идут
Текут из крана с потолка ползут
Настигли завсегдатаи Содома
Висят и тащат по ступеням вниз
Выводят за плечи как на расстрел на площадь
Смеется в воротник и плачет лошадь,
Зря подневолье. Я же продолжаю визг
Ору кричу но чу кругом пустынно
Пустыня ходят невесомо львы
О Лазаре! Я спал! О выли львы
Несут для погребения простыни

1925

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Зачем зачем всевышний судия
Велел ты мне наяривать на лире
Ведь я совсем совсем плохой поэт
Нелепый жулик или обезьяна

Ведь я не верю в голос из-под спуда
Он есть конечно но и безопасно
Для спящего на розовой перине
Для скачущего праздно на коне

Для тех кто плавает или летает
Вздыхая воздух или незаметно
Исподтишка пуская дым табачный
Горой порой до самых башмаков

(Хоть я и не поклонник гигиены
Вегетарианства или шахматистов
Которые танцуют на обложке
И падают и вечно спят смеясь)

Нелепый факт на дереве нелепом
Нелепою рукою отрываем
Я издаю глухой и хитрый вкус

Как будто сладкий и как будто горький
Как будто нежный но с слоновой кожей

Кто змилó ушер тот спасен
Или ширó накево / взнесен
будет кресто стани в оне шуре
Он вернется кресте веке веки
Волосе ~~вон~~ ~~эти~~ ~~на~~ ~~м~~ ~~у~~ ~~ш~~ ~~е~~ ~~р~~ ~~о~~ ~~в~~

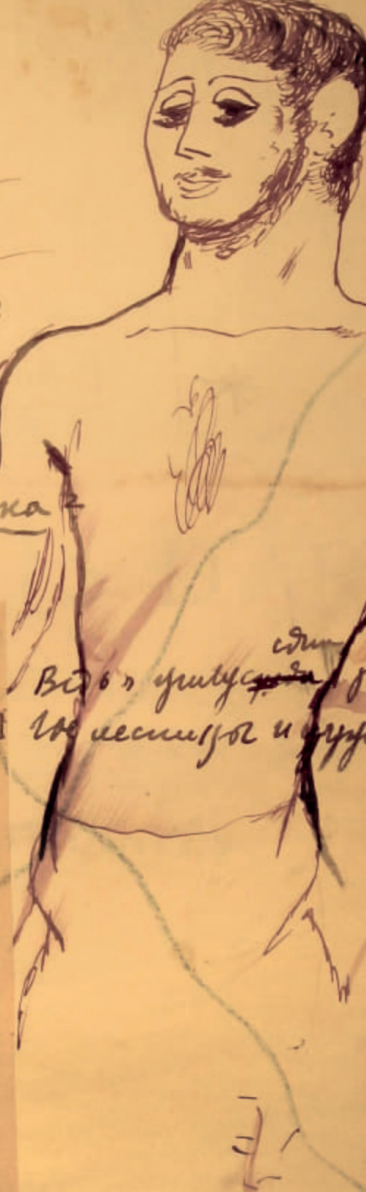
В книге ис в с к а 2

Оне сидели на олестных стульях,
а я за ними наблюдал в окне
~~Вчера же живем в работи теши уле~~
~~не мужички и леснички одне~~

И попивая ароматный чай
(так там дымится желтая моча)
они слова бросали не в значай,
Я даже выругался сгоряча,
и ухожу, бросая взгляд косою,
и в друг заметил, от меня в углу,
Сидит скелет с блестящею косою
и разливает кофе по столу.
И вдруг заметивши меня в оне,
как будто поздоровался со мною
не замечали ли его его оне
Болтал за зеркальной стеною.

Видо ^{сиди} ~~у~~ ~~ш~~ ~~е ~~р~~ ~~о~~ ~~в~~
не ~~м~~ ~~у~~ ~~ш~~ ~~е ~~р~~ ~~о~~ ~~в~~~~~~

Но светлосиний и на самом деле
Премного ядовитый натоцак*

Но для того кто вертится как флюгер
(Крикливая и жестяная птица)
На вертеле пронзительнейшей веры
На медленном сомнительном огне,
Я привожу счастливую во сне

Она махает ровненькою ручкой
И дарит дарит носовой платочек
Надушенный духами сна и счастья
Охотного предоставленья Жизни
(Как медленный удар промеж глазами
От коего и тихо и темно)

1926

---

* В оригинале: «на тоцях». Далее зачеркнуто четверостишие:

Для тех кто помнит о каком-то Боге
Который ждет их там как друг кабатчик
Где ангелы степенно колют сахар
Играет непрременный граммофон

Лишь я дотронулся до рога
Вагонной ручки, я устал,
Уже железная дорога
Открыла дошлые уста.

Мы познакомились и даже
Спросили имя поутру,
Ответствовал польщенный труп:
Моя душа была в багаже.

Средь чемоданов и посылок
На ней наклеен номерок,
И я достать ее не в силах
И даже сомневаюсь: прок.

Так поезд шел, везя наш тихий
Однообразный диалог,
Среди разнообразных стихий:
На мост, на виадук, чрез лог.

И мягкие его сиденья
Покрыли наш взаимный бред,
И очи низлежащей тени
И возлежащего жилет.

Закончив труд безмерно долгий,
Среди разгоряченной тьмы
На разные легли мы полки,
Сны разные узрели мы

|*|

Зима и тишина глядели
Как две сестры через забор
Где птицы в полутьме галдели
Холодный * покидая двор

А в доме Ольга и Татьяна
Писали при свечах письмо
Пока над желтым фортепьяно
Летала пепельная моль

1925

---

* Рядом вариант: «печальный».

орфей в аду

Гав гав! Ау ау! Миау мау! Кукареку!
О, караул! Но караул на башне.
Бль! бль! в воде, зачем я прыг<нул> в реку,
О, о, погиб (печальной Мойры шашни).

Реку Тебе, неостроумный голубь.
О, Боже! Можжевательная вода?
Ты мне для лека. Утонул я голый.
Иду на дно, должно быть, в ад? о, да.

Усаты духи шепчут у сосудов,
В которых парится неправедная плоть.
О, Бог, скорей, о бок, Ты безрассуден.
Антропофаги жмут людской приплод.

Но, о, реку, ура, реку из речки.
Казалось, им необходим партнер.
Сажусь играть, сдаю, дрожа (у печки).
Какая масть ко мне пошла, синьор!

<1925–1927>

Les her en leur patino me uniment
l'empereur empereur ou

est grande l'empereur
est grande l'empereur

l'empereur l'empereur
l'empereur l'empereur

l'empereur l'empereur
l'empereur l'empereur

l'empereur l'empereur
l'empereur l'empereur

l'empereur l'empereur
l'empereur l'empereur

l'empereur l'empereur
l'empereur l'empereur

l'empereur l'empereur
l'empereur l'empereur

l'empereur l'empereur
l'empereur l'empereur

l'empereur l'empereur
l'empereur l'empereur

l'empereur l'empereur
l'empereur l'empereur

l'empereur l'empereur
l'empereur l'empereur

capa
Sarah Bernhard
Remarque la longueur
extraordinaire des
avant bras unique
au monde!

Randolph

SARAH BERNHARD

La grande, l'unique, l'universelle artiste... Sarah Bernhard... dix pages pour enquêter les
l'écrit auxquelles elle a attaché son nom. Née à Paris le 22 octobre 1844, élevée au couvent de Grandchamp près de Versailles,
maître du Conservatoire, pensionnaire de l'Opéra, secrétaire de la Comédie-Française, elle part son vol en 1870 et commença
dans les cinq parties du monde, une série de tournées triomphales. Elle revint, entre 1875 et 1880, se réfugier à Paris, en y
passant deux cents fois de suite Theodora (1875), Cosetta (1882), Cloopâtre (1890)... qui, ne sachant comment dépenser ce
qui lui restait d'énergie non employée, elle fonda le Théâtre de la Renaissance et s'y rendit directrice modèle et mettrice en
œuvre consommée. Telle est sa plus récente œuvre, non pas la dernière, car, jusqu'à l'heure de sa mort, Sarah Bernhard a écrit à
nos côtés de nous étonner.

le chant d'albinos

На белые слоны садится снег
Они трубят засыпанные мраком
Они слегка шевелятся во сне
Слегка ползут по бельведеру раком.

Их помнит ли еще слоновый бог
С пронзительными круглыми клыками
Которые он сну втыкает в бок
Жует его как мягкий пряник (камень)

А человек застигнутый внутри
Раздавленный воздушными зубами
Не знает: То моря? леса? ветры?
Несут его топча и мня ногами

Или, Или священная душа
Проснувшаяся к бытию внезапно
Выкладывает с шумом антраша
Прекрасно беспрестанно и бесплатно

И весело поет визжа слегка
Слегка стеная в небольшом надрыве
Пока во сне слезает с потолка
Ее убийца с веером игривым

1926

На иконе в золотых кустах
Богородица сидит в грустях
Прародительница и приснодева
Победительница древней Евы
И на пальцах держит эта дама
Маленького красного Адама
А внизу под розами лампад
Расстиляется электроад
Там царит двойник княжны пречистой
Призрак важный, влажный лев плечистый
Заместительница герцогини
Повелительница и богиня
Весело галдит чертячий двор
Ходит колесом бесстрашный вор
И Иуда с золотого блюда
Кровь сливает в ожиданьи чуда
И поют хоры детей-чертей
О земле о чудесах страстей
О зари лиловых волосах
О земных редующих лесах
И цветут шипы еловых роз
Ржанье тонкое рождает паровоз
Стойте теплое завидев вдалеке
Отраженье электричества в реке
И несется налегке трамвай
В загородное депо как будто в рай
И за ним в цилиндре Гумилев
(На подножку подскочить готов)

С поезда в пальто слезает ночь
К ней бежит носильщик ей помочь
Выкатить тяжелую луну
Выпытать ночную истину
Но шумит во сне машинный край
Будто арфами снабженный щедро рай
И с ночным горшком на голове
Пляшет неизвестный человек
А вокруг как бабочки грехов
Реют в воздухе листки стихов.

1926 париж

незавершенное
и зачеркнутое

| * |

Грохотанье струй изгоняет печали
И мне кажется, жизнь разойдется, как дым
Вот последние жидкие стрелы упали
Потемневшие лошади просят воды.

Я гулять выхожу на бесхитростный зов
Все случайное в жизни поэты лелеют
И ошибки слетающих к нам голосов
лилеи.

Вдоль дороги бездумный столбов контрабас

<1925–1927>

| * |

О жупел мужа жалости лишай
Семьи семит ногами семенит
Не помешай. Варенье помешай
Я помяну был буль о семеню.
Я поманю Тебя о помяну
Поминки соопровождает дача
О дача эта прямо неудача
Минуть бы ан минуть без тэ мину
У ми ну до фасоль ре ми фа до
Додо тебе дада клиторатуре
Халтуре туры всякие атуры
Сидон Гвидон дон дон о кошкин дом
Забыл я был былъ эту некий биль
Стихов дрочену из яиц сеченых
Быль былъ буль дог док бок автомобиль
Пекись печенье наше попеченье

<1925–1927>

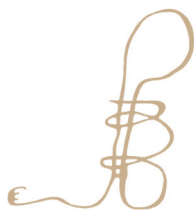
спуку esami боросту
обам рупиоуе дупицеаде

| * |

Я Библию читал едва-едва
Едва не задремав от безразличья
Мертвы, мертвы шикарные слова

Увы! пришли другие дни для душ
И каждый храбро делает как хочет
Скелет идет и принимает душ
Потом * в кинематографе хохочет

---

* Рядом вариант: «Иван».

война и мир

П.Х.

Чему обязан я; пред Вами я.
Ваш дивный гнев мя да ударит древо.
Вы чисты, как Скандинавия.
Хоть девушка, не евушка, но ева.

Я вам покаюсь, ах, я вам пока.
Нас не разлучит пароход колесный.
Или шлагбаума длинная рука
Нас схватит, нас подхватит бесполезно.

Чисты вы, как столовое вино,
Как кость слоновая, тверды и неподдельны.
Легки, как сновидение одно.
Блистательны: так полюс блещет цельный.

Страдаю, да я, снежной слепотой,
Трахомой нежной, хоть мы и знакомы.
Возьмите жизни неразменный золотой,
Фальшивый золотой, щит невесомый.

Хоть не пристал жене любви булат.
И мужу сечи счастья халат.

Как плавает в реке прозрачный дом
Но мы не беспокоимся об том

И белый белый не бросаем круг
Хоть он кричит как недовольный друг

Как негер на летательной машине
Как пушка на блистательной вершине

Доволен я и несомненно волен
Любить и жить и даже умирать
Не так <как> человек который болен
Иль тот кто со другими вместе рать

Преважно молчалив самоубивец
Напыщен синий будто бюрократ
Сидит в крови как во пруду ленивец
В воде ныряет дольше нас в сто крат

Преважно выезжает под веночком
В прохладном морге возлежит подлец
Не отвечая сыновьям и дочкам
Форсит как сиг на праздничном столе

Мол вы подшейте к делу ливольверт
И белый недорезанный конверт

А я не беспокоюсь я о том
Я плаваю в реке прозрачный дом

Я негер я лечу на ероплане
Со мною пушка говорит в тумане

Как лучший друг слегка ворчливый вдруг
Как белый белый симпатичный круг.

1925

logique

Одиночество подводных лодок
Что во дно морей уткнулось с честью
Хватку жесткую ножных колодок
Вот что я предпочитаю счастью

Акробата жест полуразвязный
Полугреческий на вышке малой
И его полет кругообразный
И песок арены бледно алый

Паровоза бег без машиниста
Пред поездом где все играют в карты
И самоубийство гимназиста
Над письмом с ошибками на парте.

Обожаю отвращенье бога
И землетрясенье высоты
Вылетая из окна как слово
Никогда не разобьешься ты

Сон тебя подхватит солнце скроет
Засмеешься ты когда падет
Тело ночи точно флаг на полюс
С дирижабля белого на лед.

кто емено

то как колес
Звезда зыбу

всегда
лучше

поискомрши то она ес

спринут есе мамб

спринут и много
рунине небу хуфе мамарина

итому то то колес ебане

буе ес мамб ебу ес мамб

буе ес мамб ебу ес мамб

ебу ес мамб

ебу ес мамб

ебу ес мамб

ебу ес мамб

ебу ес мамб

ебу ес мамб

ес мамб

ебу ес

ну нурда

ну нурда
ебу ес мамб

3. x. 30

Дворная Бетта

ра Дина ходит в проминных идиананган

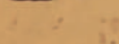
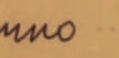
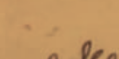
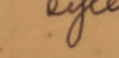

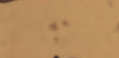
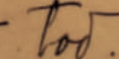
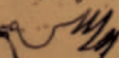

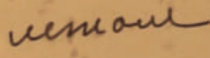
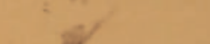
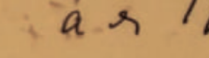
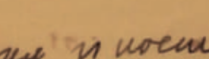
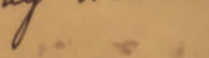
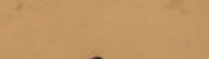

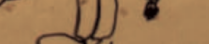
Рано ест много (рыбас, ~~Аморе~~ бвет)

уже много. Последние дни все время бьет
и не одно раз а много проведает ие кетимо

Тихая минас как Млиа а манге
преобиле вран и друзис Роме иуфтаван

Карсани . Импер нест хтени

Вл

о или будучи

метис беромно 11 а 2 17

и собузань ежелуку и носмарансе

Тубе баресе

Мли тоо

Полно полно кожно неустойчивый
 Двухмисленно
 Ножно смещенит к домигу бурмистот
 Изабудь одно ^{перди и каждидь}
 В звездной мур ^{тама}
^{ураженит}
^{модли}

Рано утром и

Полно полно ночью землетрясений
 В звездной мур ^{и каждидь}
 к водичу к свои ^{дриа} ^{ураженит}
 Вано ^{каждидь} ^{по уму} ^{верши}
 а потом надеждой безземлетрясений

а потом

Э Молчанье синего Дня

Необлещивая каменная тоска

Розы траят галы. На нем

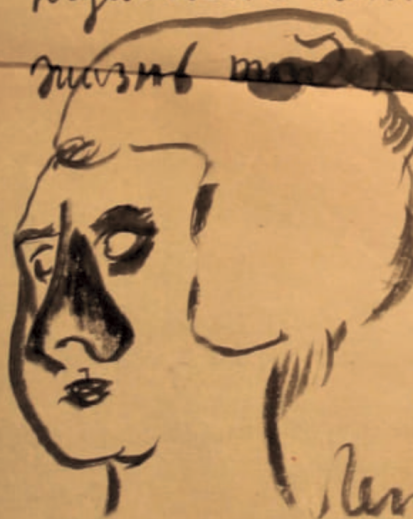
тото нулимо разурати

~~Видею...~~

Как будто слышатся / Сбиты

нежные мысли пытки / ос

~~жизнь...~~

они восхотят

они преградили

они фальшиво

и повторяют

Лето жалеет

самое страшное время

на земле

| * |

Примите братья чемодан души
Ведь я вернулся с этого курорта
Звенят в кармане * слов гроши
Иду в кафе бегу как мних от черта

Заслуженная горечь прошлых лет
Вспорхнула ты, меня оставив долу
И стало мне так странно на земле
Как бы быку что сел слегка в гондолу

Лоснится радость — новая квартира
В водопроводе розовый настой
А старого слугу с лицом Сатира
Сменил прекрасный ** юноша простой

Схожу во двор там граммофон воркует
В саду растут деревья из халвы
Из окон дев десятки интригуют
И в воздухе хвалебный шум молвы

Я чувствую толстеет тихо сердце
Щека блестит как пряник ото сна
Рука висит безжизненно отверста
Ползет улыбка — червь по лону дна

---

* Далее пропущено слово.

** Рядом вариант: «стеклянный».

газела о бедности

Навыворот свои надену брюки
И станет в пустоте <нрзб.> * светлей
И как ребенка шляпу хватя я в руки
И будет мне как будто веселей

Сойду сойду на тротуар потертый
Скажи! Скажу. Ты мне бездельник люб,
Потом единым пассажиром спертый
Решу что дольше не смущаться не могу

Войду к Тебе облаянный швейцаром
И вдруг и вдруг, случится нечто вдруг
И как пред полицейским комиссаром
Перед Тобой, я виновато засмеюсь

Но не ответишь ничего мне стерва!
И станет лучше мне, лучшей еще.
Я попрощаюсь обстоятельно во-первых
И шась уйду. Шась это хорошо.

Париж 295

---

* Неразборчивое слово вписано вместо «моей».

|*|

Как снобы в розовых носках,
Как дева в липовых досках
Доволен я своей судьбою
Убийцей * и собою
На башне флаги весело вились
И дети хорошо себя вели
То был четверг страстной он был веселый
С горы к нам тек необъяснимый зной
Под тяжестью моих воспоминаний
Ломался я как полосатый стул

1925

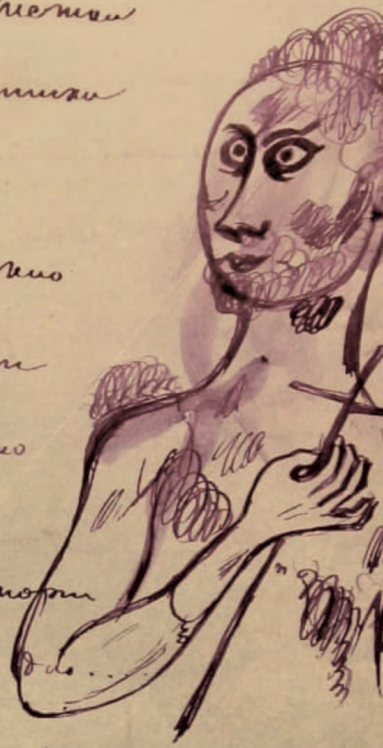
---

* Далее пропущено слово.

Упражнение VII

и водрузи башню мою
 Век в захвате ^{для вечности} прочини врата
 Расеяншееся похити и снеси
 и нисаши египетский египет
 и они захватили нас
 Твоя ^{милость} крепка. Ибо. В оном
 Убогого орангевый цвет
 Винамная и мочало одес
 Ко гонимые своим даво
 Уи марагунский окуп и похит
 и сугубится на немое да...

Ибо аще не всемирный свет
 Трудно ад расеянное в башне
 Расеянное в башне в башне
 Земная и неперелый марагунский цвет
 И марагунский цвет

сольфеджио

На толстый ад, на небольшие ведра
Шасьт капает не мало, мало фи;
Склонился кий, еще как будто твердый,
И пейсы спят, как соло воробьи.

Удить ли скверну, расточать ли рыбу,
Все пруд под корень карий подсечен,
Болит как бы или, вернее, ибо
Ободран брык: работой увлечен.

Субботой усечен и обеспермен,
С пирамидоном ворочусь к себе.
Чалдона мать! хоть незаконен термин,
Спасайся, Мойра! У! дуду сгребе.

О дурий дроч, о неумолчный кортик!
Сонливое исчадие зачах,
Чтоб снова, шасьт, как из коробки чертик,
В ногах у ног иль на других ногах.

Париж. Начало декабря 924

мойрэ

Не малая твоя величина
Не утешает. Ан в душе тревога!
О престарелая и дурная женщина!
Отстань! Отлипни, Мойра! Ради Бога.

Безукоризненно качается корма
Прохожей женщины. Ее ль ты стоишь? (Стоишь).
Подпрыгивая часто, как барман,
Трясу коктейль из слез. Ты пьешь и сволочь поишь.

(То об зверях домашних говорю).
Но будет! Будет нэкое свиданье!
Порю детей. Пальто любви порю.
Ты ж порешь чепуху мне в назиданье.

Смирение: морение души.
Души ее! но ан склизка Ты, Мойра.
И ань собрав последние гроши:
Верчу Фанданго, плачу: Ойра! Ойра!

<1925–1927>

| * |

На олеографическом закате
Танцует незнакомый * человек
Как женщина на розовом плакате
Как мой двадцатый год двадцатый век

В нейтральный ** час когда все страшно странно
Когда поет виолончель земли ***
Но так таинственно **** и так пространно
Ходатайствуют голоса вдали

Безотговорочно навстречу ты идешь
И таешь вежливо на расстояньи шага
Как лиственный летающий галдеж
И иль на пне холеная бумага

Жужжат часы, их стрелки жалят глаз
Лишь кости на тарелке циферблата
Но разрезает зеркало алмаз
Воспоминания спешит расплата

---

* Рядом вариант: «неизвестный».

** Это слово зачеркнуто, как и два предшествующих ему варианта.

*** Слова «когда» и «виолончель» зачеркнуты, вместо них написаны другие, неразборчивые.

**** Над словом вписаны, видимо, как вариант два других (неразборчиво).

За жидкие за мягкие мгновенья
Они твердеют режут яркий лед
И все развязнее и откровенней
Все чувственней и может быть назло.

Танцуют на раскрашенном закате
На рукаве и прямо пред лицом
Как женщина на розовом плакате
Иль гильотина перед подлецом.

<1925–1927>

| * |

Любовь манит к себе влечет
И всасывает, как насос
Так дождь и тятя так сечет
Проворно ловит на лассо.

Пляшу кобылка под петлей
Под дождиком бегу солдат
Как рыба от трубы под лед
Булавкой в пола щель, гайда!

Дышу, избавился: вдруг хлоп!
Бьют по плечу меня, плачусь.
Так лопался над свечкой клоп;
Коль руку жали палачу.

Сидит судебный пристав в кресле
Бьет карандашем о карандаш,
Так сына бил отец по чреслам
Дай двух небитых бог! отдашь?

Свинью для перевозки счастья
И лошадь для больших смотров
Я скотоложец рвусь на части
Часть каждую жарю над костром

Съедаю голову и руку
Язык тушеный, мягкий мозг
Но без руки любви порука
Слеза без глаза, что для слез.

Без членов всасывает эрос
Мои останки, я погиб
Как всасывал тайфун галеру
И тракт солдата сапоги.

1925

| * |

Музыканты — значит музе канты.
Адьютань — знай тетушка прощай.
Мавританцы — мавры танцы чай.
Револьвер же клевер вер компран тю.

Сукин сын, равно кому попало.
Мужепес попало всем равно.
Пиздадуи к жопе прилипалы.
Все равно, без ве же; все гавно.

Сильно пахнет свежее гавно
Коль поверх обоссано оно.
Заведем же пердежи не малы,
Кутежи дрожи рояль из жоп.
Мы пердели ты в тоске внимала
Бзднем же на прощанье хорошо.

Незаметно насерем в калошу
Непонятно в ложу соберем
На перило головы положим
Нежно незаметно насерем

Сукин сын читало не берем
Обучать срать ету злую лошадь.

Не хотишь так тотчас же умрем.

мой экземпляр.

БОРИСЪ ПОПЛАВСКІЙ

ФЛАГИ

СТИХИ

„ЧИСЛА“

ПАРИЖЪ

1931

комментарии и примечания

Настоящее издание неизвестных стихов и поэм Б.Ю. Поплавского (1903–1935) продолжает своеобразную гилейскую серию, начатую его сборником «Покушение с негодными средствами» (1995, материалы из архива И.М. Зданевича, Франция) и продолженную «Дадафонией» (1999, материалы из архива Б.Н. Татищева, переданные в Государственный литературный музей в Москве). Опубликованные в этой книге тексты (за исключением специально оговоренных случаев) происходят из парижского архива, принадлежавшего Степану Николаевичу Татищеву, старшему сыну друга и посмертного издателя Поплавского Н.Д. Татищева. С архивом летом 2007 г. одного из составителей сборника любезно познакомил М.В. Розанова, у которой тогда на временном хранении находились многочисленные коробки с прозой и стихами поэта. Из обнаруженных среди этих бумаг неизданных стихов Поплавского в сборник вошли не все: каждый составитель сделал собственную подборку на свой вкус и соображение, а затем они были объединены путем простого сложения и наложения.

Название для книги — «Орфей а аду» — у нас возникло не только по той причине, что эти слова самого поэта (см. стихотворение «Дождь» в сб.: Поплавский Б. Флаги. Париж: Числа, 1931; также см. название стихотворения, включенного в нашу книгу)

показались по смыслу и настроению очень подходящими для того, чтобы озаглавить публикуемую выборку, но и по другим соображениям. В свое время книга с таким заглавием, но с неизвестным для нас составом, планировалась Поплавским к изданию, о чем могут свидетельствовать сохранившиеся в том же архиве два сходных рукописных титульных листа невышедшего сборника (на обоих внизу помечено: Париж, 1927). Она обозначена там как «третья книга стихов», т.е. как следующая за «Дирижаблем неизвестного направления» (в архиве имеется рукописный титульный лист этой книги, где она обозначена как вторая, с пометой: Париж, 1925–1926). Остались похожие рукописные титулы и других задуманных поэтом книг: «Флаги» (четвертая книга, Париж, 1928–1929), «Снежный день» (пятая книга, Париж, 1930) и «Автоматические стихи» (на двух сохранившихся рукописных титульных листах порядковый номер книги не назван, но есть разные даты: Париж, 1931 и Париж, 1930–1933). Сборник с названием «Орфей в аду» планировался к изданию и после смерти Поплавского: он заявлен как подготовленный к печати в выпущенной Н. Татищевым книге «Снежный час» (Париж, 1936), но так и не вышел. Справедливости ради надо добавить, что в архиве имеется поздний список Поплавского «Проектируемые мною книги», где указано шесть названий (что-то вроде шести томов собрания сочинений), но наше — отсутствует. Проектировавшийся поэтом и не вышедший при его жизни «Дирижабль неизвестного направления» (в 1965 г. под таким названием Н. Татищев издал сборник, составленный им самим в основном из ранее неизвестных стихов поэта) здесь также указан под вторым номером, а за ним, третьим номером — сборник «Флаги».

ПОЭМЫ

поэма о революции.

кубосимволистический солнцень

Поэма публикуется полностью впервые по пятистраничной авторизованной машинописи. Над названием карандашом приписано, по всей видимости, посвящение, которое не удалось разобрать, и далее, во второй строке слова: «Джекпот от Бога». Неполный текст поэмы (примерно лишь его половина) с ошибками — по тому же автографу — опубликован в кн.: Поплавский Б. Неизданные стихи / Сост. и вступ. ст. Е. Менегальдо. М.: Терра, 2003. С. 35–37.

Эта поэма, а также следующая, «Истерика истерик», сочинены в период пребывания Поплавского на юге России и в первой эмиграции, после того как летом 1918 г. он, пятнадцатилетний подросток, вместе со своим отцом навсегда оставляет революционную Москву. Осень они проводят в Харькове, затем живут в Ялте, где в январе 1919 г. Борис впервые выступает как поэт в Чеховском литературном кружке. В марте того же года в связи с переходом Крыма под контроль большевиков (в течение нескольких месяцев на этой территории действует Крымская ССР) они отплывают в Константинополь (подпись под одним стихотворением того времени фиксирует пребывание поэта и в Салониках, греческом портовом городе в Эгейском море). В июле 1919 г. отец Поплавского, надеясь на успехи Белой армии, возвращается с сыном на юг России. Они переезжают из города в город, живут в Ростове-на-Дону, в Екатеринодаре (нынешнем Краснодаре), в Новороссийске. Лишь в конце 1920 г. Поплавские окончательно покидают Россию. Они вновь живут в Константинополе (первое время —

на о. Принкипо в Мраморном море), а в мае следующего года переправляются во Францию и поселяются в Париже. Об этом периоде жизни поэта, а также другие биографические сведения о нем см. в: Поплавский Ю. Борис Поплавский // Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников / Сост. Л. Аллена, О. Гриз. СПб.; Дюссельдорф: Logos; Голубой всадник, 1993. С. 77–81.

Святая Люция (Santa Lucia) — католическая святая (III в.), имя которой происходит от латинского слова «lux» — «свет». Люция, очаровавшая своими прекрасными глазами юношу, прислала ему потом эти глаза на блюде, дабы он не впадал в искушение. По другой версии, мученицу Люцию ослепили перед казнью.

Плешивить на плечах сильных — возможно, здесь должно быть «плешиветь», т.е. «покрываться плешью», «лысеть». Ср. эти слова с известным крылатым выражением «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов», традиционно приписываемым Исааку Ньютону. Ньютон, однако, заимствовал его у философа-платоника XII в. Бернара Шартрского. Историю этого высказывания можно проследить в кн.: Merton R. On the Shoulders of Giants. N.Y.: Free Press, 1965.

Обшморганной — от «шморгать», т.е. шмыгать, тереть туда-сюда.

Заратустра — основатель зороастризма (маздеизма), жрец и пророк. Этот образ вдохновил Фридриха Ницше на создание всемирно известного произведения «Так говорил Заратустра», где Заратустре, в сущности, оставлены только имя и функция пророка. В России начала XX в. книга Ницше была необычайно популярна, и при написании «Поэмы о Революции» и «Истерики истерик» Поплавский, бесспорно, во многом ориентировался на нее. Образ Заратустры здесь тесно связан и с подобным образом в поэме Маяковского «Облако в штанах» (1915):

Слушайте!
Проповедует,
мечась и стена,
сегодняшнего дня крикогубый Заратустра!

Концептор (от лат. *conceptus* — мысль, представление) — скорее всего, имеется в виду субъект, формирующий идею или концепцию.

Егова, т.е. Иегова (Яхве) — имя бога в иудаизме и христианстве.

Креозот (фр. *créosote*) — маслянистая жидкость с едким запахом, получаемая сухой перегонкой древесины бука (реже — других пород). Применяется для пропитки деревянных изделий с целью предохранения их от гниения.

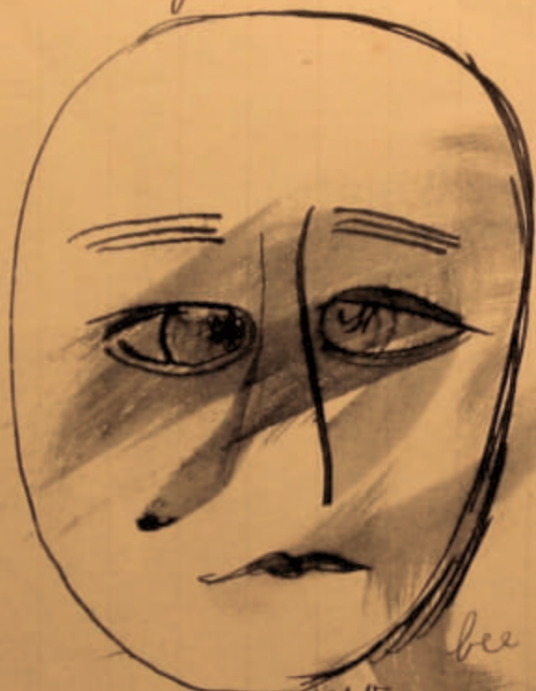
истерика истерик.

опыт кубоимажионистической росписи
футуристического штандарта

Поэма публикуется впервые по авторизованной машинописи (с рукописными вставками и правкой), находящейся на одиннадцати сшитых вместе страницах. Местами текст неразборчив. Над названием поэмы карандашом вписано посвящение Георгию Шторму, а на последней странице, после текста и авторской подписи карандашом написано: «Георгию Шторму посвящаю. 22 января 1920 г.». Имеется в виду ростовский приятель Поплавского поэт Георгий Петрович Шторм (1898–1978), впоследствии советский писатель и историк литературы. Г. Шторму также посвящено стихотворение Поплавского «Paysage d'enfer» (1926), вошедшее в сб. «Флаги». В сохранившейся в парижском архиве авторской машинописной тетради «Пропаж», куда включены ранние стихи Поплавского, имеется еще один посвященный Г. Шторму текст — «Небо уже обвалилось

Все предвещает
лучь свободы предвещает

Все симпатично
Все шутит
своим

иногда
все симпатично
и симпатично
иногда

Всегда
иногда

местами...», который был опубликован (без этого посвящения) в качестве первой части стихотворения «Герберту Уэллсу» (см. альманах «Радио». Симферополь: Таран, <1920>).

Штандарт (нем. *Standarte*) — знамя, флаг (например, флаг главы государства или знамени армейской части).

Истерический всхлип с облаков — не удалось установить, из какого произведения поэта взята эта цитата. «Истерическую» тему можно обнаружить как в «Поэме о Революции», так и в обеих частях стихотворения Поплавского «Герберту Уэллсу», написанных примерно в тот же период времени. А неопубликованное чуть более позднее стихотворение «Горят лучи от абажура...» (Париж, июль <1921?>) заканчивается такими строками:

Быть может только и всего
Я романтическая дура
Но не<т> в Европе ничего
Что б не дало пойти понуро
И за телегами кочевных
И за сандалями Христа
Просить с котомкою в деревнях
И плакать у ствола креста
Пусть горы видят и машины
Я истерическая бляд<ь>
Готова уж души холстина
Под ноги Бога подстилать.

(Тетрадь «Пропажа»)

Искарיותы, Вы... — цитата из стихотворения поэта-футуриста А.Е. Крученых, помещенного в его сб. «Учитесь художни» (Тифлис, 1917). Еще один эпиграф из Крученых (строка из напечатанной там же «Отрыжки») помещен в «Venus felle de l'onde sonne», представляющем собой более ранний вариант стихотворения «Diabolique», опубликованного во «Флагах».

Браво я тобой доволен... — цитата из «песни для танцев» «К мистралю», находящейся в конце стихотворного приложения к книге Ницше «Веселая наука» (см.: Ницше Ф. Собрание сочинений в 9 томах. Т. 7. М.: Изд. книжного склада Д.П. Ефимова, 1901. С. 464).

Моя рука рука глупца ... — цитата из книги Ницше «Так говорил Заратустра» (см.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Пер. В. Изразцова. СПб.: Изд. Акц. О-ва Типографского дела в СПб., 1913. С. 225).

Иному ты должен дать не руку... — см. там же. С. 85.

Даниил (Daniel, в пер. с ивр. — Суд Божий) — потомок знатного иудейского рода, юношей попавший в вавилонский плен и обучавшийся у халдеев. Славился умением толковать сны, его авторству приписывают «Книгу пророка Даниила», которая содержит видения и откровения о судьбе Иудеи, а также предсказание вселенского Царства, главою которого будет обещанный Мессия.

Фуникулер (фр. funiculaire) — рельсовое транспортное средство на канатной тяге. Как правило, устанавливается на крутых подъемах.

Кремер Изабелла Яковлевна (1889–1956) — певица, легенда «русского шансона». С 1915 г. выступала на эстраде, исполняя «интимные песенки» собственного сочинения. В 1919 г. эмигрировала в Константинополь, где около года работала в артистическом заведении Ю.С. Морфесси, а затем во Францию. В середине 1920-х гг. уехала в США, где выступала в бродвейских театрах и кабаре.

Параболичной — от *парабола* (греч. *parabolē*), здесь: незамкнутая кривая, которая может быть определена как геометрическое место точек, каждая из которых равно удалена от другой.

Несессер (фр. *nécessaire*) — набор принадлежностей для туалета, шитья и т.п. в специальном футляре, упаковке; шкатулка, чемоданчик с такими принадлежностями.

Пентакль (греч. *pentacle*) — как правило, то же самое, что и *пентаграмма*, т.е. звезда, магический символ, представляющий собой пятиугольник, на сторонах которого построены равнобедренные треугольники. Пентаклем может также называться круг с вписанной в него пентаграммой или всякий пятиугольный магический или ритуальный символ.

Гавот (фр. *gavotte*) — старинный французский танец в умеренном темпе.

Майолик, майолика (итал. *maiolica* — от назв. о. Майорка) — художественная керамика из цветной глины, покрытая непрозрачной глазурью.

Альков (фр. *alcôve*) — углубление, ниша в стене (обычно служащая спальней).

Канопус (лат. *Canopus*) — вторая по яркости звезда ночного неба после Сириуса. До появления компасов Канопус использовался при навигации в северном полушарии как южная полярная звезда.

Буколический (от греч. *bukolikos* — пастушеский) — см. *буколики* или *буколическая поэзия*, античный поэтический жанр, произошедший от пастушьих песен. Описывает прелести скромной и естественной жизни на лоне природы.

Монизм (от греч. *monos* — один) — философское учение, признающее основой всего сущего одно начало: либо материю (материалистический), либо дух (идеалистический); противоположен дуализму.

Куковского гида — вернее всего, имеется в виду Тупия, новозеландский вождь, служивший проводником и переводчиком в эк-

спедиции Джеймса Кука во время его первого кругосветного плавания (1768–1771). Тупия и его слуга Тиату умерли от малярии.

Оникс (греч. *onix*) — минерал, разновидность агата, с чередованием черных и белых слоев; полудрагоценный камень.

Пакгауз (нем. *Pakhaus*) — закрытое складское помещение для хранения грузов при железнодорожных станциях, портах, таможенных и т.д.

Мезонин (итал. *mezzonino*) — верхний полуэтаж дома, неполный этаж.

Гаубица (нем. *Haubitze*) — название артиллерийского орудия, предназначенного для стрельбы с закрытых огневых позиций по целям, находящимся вне прямой видимости.

Ассонанс (фр. *assonance*) — повторение гласных звуков в высказывании; также: неполная рифма, основанная на тождестве ударных гласных при несовпадении согласных звуков.

Торпедо (лат. *torpedo*) — самодвижущийся подводный снаряд (также *торпеда*), или же автомобиль сигарообразной формы с открытым кузовом.

Игуанодон (от исп. *iguana* — назв. крупной ящерицы и греч. *odus* (*odontos*) — зуб, букв. игуанозуб) — крупный двуногий растительноядный динозавр мелового периода.

Тралящий — производное от *трал* (англ. *trawl*), названия большой сети в форме мешка, используемой для ловли рыбы, исследования дна, обнаружения и уничтожения мин.

Сириус (лат. *Sirius*) — первая по яркости звезда ночного неба, в древности была предметом особого поклонения у разных народов.

Двенадцатидюймового гр<охота> — очевидно, имеются в виду выстрелы крупнокалиберных артиллерийских орудий.

Калибр 12 дюймов (305 мм) могут иметь разные орудия, в том числе гаубицы или корабельные пушки. Ранее в тексте встречается «грохот двенадцатидюймовых пропеллеров».

Поистине хороший улов и т.д. — фраза представляет собой точную цитату из «Предисловия Заратустры» (см.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Пер. В. Изразцова. С. 35).

мрактат о гуне

Публикуемый здесь текст поэмы (или стихотворного цикла) «Мрактат о гуне» представляет собой реконструкцию произведения из отдельных относящихся к нему стихов, находящихся в разных частях архива писателя (и частично опубликованных). Более или менее цельный текст «Мрактата» (13 страниц авторской рукописи), позволяющий судить о замысле автора и структуре произведения, находится в тетради Поплавского, озаглавленной «Стихи IV 1928» (далее: **Стихи IV**). Там, как нам кажется, помещены более ранние, иногда черновые записи (из чего, впрочем, прямо не следует, что стихотворения сочинены не раньше 1928 г., см. комментарий к «Прологу», публикуемому далее). Рядом с заглавием поэмы в тетради зачеркнуты слова: «По<с>в<ящается> Илье» и далее написано: «поэма И ум парил над умом Ильязд». Фраза, очевидно, связана с «умом ума» — особым понятием творческой философии близкого друга поэта в 1920-е гг. Ильи Михайловича Зданевича (Ильязда, 1894–1975) (см. роман «Восхищение» в кн.: Зданевич И. Философия футуриста: Романы и заумные драмы / Предисл. Р. Гейро, подг. текста и комм. Р. Гейро и С. Кудрявцева, общ. ред. С. Кудрявцева. М.: Гилея, 2008). Некий текст «уму-ма» указан как готовящийся к изданию в книге Зданевича «згА Якабы» (Тифлис: 41°, 1920). Это же название в книге «лидантЮ фАрам» (Париж: 41°, 1923) фигурирует уже в качестве

цикла планируемых к изданию произведений Ильязда, куда входит, в частности, вариант известного доклада «Илиазда».

Гуна — санскритский термин, который в буквальном переводе означает «веревка», а в более широком смысле — «качество, свойство». Под гунами в философии санкхья понимаются три основные начала материальной природы, три «режима деятельности» иллюзорной энергии («майи»), обуславливающей живые существа («дживы»). Гуны определяют образ жизни, мышление и деятельность души, которую они обуславливают. У Поплавского, увлекавшегося философией, обыгрывается схожесть этого термина с «озаумненным» словом «луна». Разница только в ударениях.

<пролог>

Текст публикуется впервые по рукописной копии, сделанной Диной Григорьевной Шрайбман (возлюбленной Поплавского, позднее — женой Н.Д. Татищева), часто переписывавшей набело стихи поэта. Он имеет название «Мрактат о гуне» и посвящен Илье Зданевичу. Рядом с текстом — авторская помета: «куски» и цифры 114 и 115, представляющие собой порядковые номера в одном из стихотворных списков Поплавского. В архиве имеется несколько таких авторских списков, где перечислены стихотворения, относящиеся к той или иной планируемой им книге либо к определенному периоду времени. Среди таковых есть список из 117 стихотворений (изредка повторяющихся), именуемый «Оглавлением второй книги» (далее **ОВК**). Следует полагать, что здесь, как и в других случаях (см. ранее в комментариях), под «второй книгой» имеется в виду проектировавшийся «Дирижабль неизвестного направления». В данном списке под № 114 значится «Мрактат о гуне (вступление)», а под № 115 — начинающееся на том же листе написанное рукой автора неопубликованное стихотворение

«Прекратите лекцию о лектор». В списке «Проектируемые мною книги» рядом с названием «Дирижабль» сделано пояснение в скобках: «от 1925 до 1926 — до конца, рус. дада, сюда также относятся и «адские» поэмы и часть стихов, написанных в 1927 году». Таким образом, можно полагать, что **ОВК** включает произведения 1925–1927 гг., если, конечно, автор не ошибался в отдельных случаях.

Даем русский перевод публикуемого текста (выполнен по нашей просьбе Режисом Гейро):

Сновидение производит жизнь
И жизнь воспроизводит сон
Из-за смерти Сильвии
В день алой весны
Когда видно было что статуя
Вращается вокруг солнца
И покончила бы с собой как черепаха
Которая потеряла свои крылья
Но надоело мое невидимое
Шагом марш настоящие фельетоны
Вращающиеся вокруг мишени
Как мяч или утенок

Содержащий незначительные отличия первоначальный авторский вариант текста под названием по-русски «Пролог» — в тетради **Стихи IV**.

песня первая

Впервые по авторской рукописи опубликовано в кн.: Поплавский Б. Дадафония: Неизвестные стихотворения. 1924–1927 / Сост., подг. текста и комм. И. Желваковой и С. Кудрявцева, общ. ред. С. Кудрявцева. М.: Гилея, 1999. С. 44. Здесь публикуется заново по тому же автографу с исправлением отдельных

ранее допущенных неточностей. Два варианта этого текста — **Стихи IV**. Первый — с разночтениями, без заглавия и на три строки короче публикуемого. Второй, черновой и недоработанный вариант, похожий на наброски, — с разночтениями, перечеркнут.

Пустельга — небольшая хищная птица из семейства соколиных, питающаяся насекомыми и грызунами. Также (разг.): пустяк, вздор, ничтожное дело.

Загава — слово, представляющее собой, скорее всего, озаумненное *забава*, совпадает с названием народа (в прошлом — кочевых племен), живущего на территории современных Судана и Чада.

Багария — возможно, от *багарий* (лат. *bagarius*), названия рыб, обитающих в Южной и Юго-Восточной Азии.

Госия — слово, вероятно, восходит к *Hosios* (святой), латинскому написанию греческого слова, или к *Hosia*, латинскому написанию имени библейского пророка Осии.

Осмàрк — не исключено, что Поплавский использует для заумного эксперимента шведскую фамилию *Ösmark* или же термин *Ostmark* («Восточная марка») — название раннефеодального государства в Восточной Германии (применявшееся и позднее по отношению к германским восточным землям).

Пикельный (или *пикель*) — так называют раствор из органических кислот, приготовляемый для выделки шкур.

песня вторая

Впервые по авторской рукописи опубликовано в кн. «Дадафония» (с. 45). Здесь публикуется заново по тому же автографу с исправлением ранее допущенных неточностей. Ранний вариант этого текста с разночтениями — **Стихи IV**.

Надир и зенит — астрономические термины, означающие диаметрально противоположные точки небесной сферы.

Офелия и перигелия — звучащие как женские имена, эти слова происходят от астрономических терминов «афелий» и «перигелий», обозначающих наиболее удаленную от Солнца и наиболее к нему приближенную точки эллиптической орбиты небесного тела.

Триангулическая (от лат. *triangulum* — треугольник) — треугольная.

п<есня третья>

Впервые по авторской рукописи опубликовано в кн. «Дадафония» (с. 46). Здесь публикуется заново по тому же автографу с исправлением ранее допущенных неточностей. Ранний вариант этого текста с разночтениями — **Стихи IV**.

Не замай — т.е. не замучай, от устар. *замаять, замаивать*.

Non mais merde — «Ну и говно» (фр.).

песня четверт<ая>

Впервые по авторской рукописи опубликовано в кн. «Дадафония» (с. 47). Здесь публикуется заново по тому же автографу с небольшим исправлением. Ранний вариант этого текста с разночтениями — **Стихи IV**. Там он назван «Песня третья» и расположен на странице перед стихотворением, являющимся ранним вариантом публикуемой нами «Песни третьей» (т.е. эти различные тексты, очевидно, по ошибке автора имеют в тетради одинаковые названия).

Defence d'afficher — здесь: «запрещается афишировать» (фр.). В обычном употреблении — надпись, запрещающая в определенных местах расклеивать афиши. Такая надпись,

упоминается, например, в романе Поплавского «Аполлон Безобразов» (см.: Поплавский Б. Домой с небес: Романы / Вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. Л. Аллена. СПб.; Дюссельдорф: Logos; Голубой всадник, 1993. С. 47).

п<есня> пятая

Публикуется впервые по авторской рукописи. Рядом с текстом — авторская помета: «обдумать». Ранний вариант текста с разночтениями и названием «Песня четвертая» — **Стихи IV**.

Шаробан — от *шарабан* (фр. *char a bancs*), открытый экипаж с поперечными скамьями в несколько рядов.

Полиспас, или *полиспаст* (греч. *polypaston*), — грузоподъемный механизм или же система, уменьшающая усилие, собранная из нескольких подвижных и неподвижных блоков, огибаемых канатом или тросом.

Падеспань (от фр. *pas d'Espagnol*) — русский парный бальный танец, состоящий из элементов испанского танца.

Перамидонна — слово произведено от *пирамидона*, см. примеч. к стихотворению «Сольфеджио».

Аваон — возможно, измененное имя первосвященника *Аарона*, брата Моисея из Ветхого Завета. По легенде, когда Аарон творил чудеса перед фараоном, его жезл превратился в змея и поглотил змеев, в которых превратились жезлы египетских волшебников. Во время же странствования в пустыне избрание Аарона первосвященником подтвердил Бог, когда жезл чудесным образом расцвел. В раннем варианте текста (**Стихи IV**) это имя написано как «Араон» (т.е. и Аарон, и фараон). Возможно также, что здесь присутствует совмещение с английским именем *Avaon*, происходящим от имени сына легендарного барда Талиесина (*Afaon/Addaon*) из валлийских легенд.

песн<я> шестая

Публикуется впервые по авторской рукописи. Вариант текста с разночтениями и без названия — **Стихи IV**.

На ватусе гумигане... — озаумненные слова Демона из одноименной поэмы М.В. Лермонтова:

На воздушном океане
Без руля и без ветрил
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил.

В синих мундирах — здесь, очевидно, содержится намек на французских жандармов, традиционно имевших синее обмундирование (сам цвет в 1920-е гг. стал называться *bleu gendarme*). Можно полагать, что автор также дает отсылку к знаменитым строкам Лермонтова:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Голубые мундиры в царской России носили служащие тайной политической полиции, получившей заимствованное у французов название жандармерии.

Аурокария — правильное *араукария* (по названию чилийской провинции Арауко), род вечнозеленых хвойных деревьев, распространенных преимущественно в Южной Америке.

песн<я> седьмая

Публикуется впервые по авторской рукописи. Рядом с текстом — авторская помета: «Обдумать». Ранний вариант текста с разночтениями и с названием «Песня пятая» — **Стихи IV**.

Кнок довн — то есть *нокдаун* (англ. *knock-down*) в боксе, возникшее в результате полученного удара состояние, характеризующееся головокружением, потерей ориентации, иногда сознания. При нокдауне боксер может не продолжать бой в течение нескольких секунд.

Кнок аут — *нокаут* (англ. *knock-out*), фактически то же самое, что и нокдаун, с той лишь разницей, что при нокауте боксер уже не может продолжать бой и по истечении 10 секунд считается побежденным.

п<есня> VIII

Публикуется впервые по авторской рукописи. Рядом с текстом — авторская помета: «Обдумать». Ранний, частично зачеркнутый вариант текста с разночтениями, с названием «Песня VII» — **Стихи IV**.

п<есня> IX

Публикуется впервые по авторской рукописи (текст находится на обороте листа с предыдущим стихотворением). Ранний, частично зачеркнутый вариант текста с разночтениями, с названием «Песня VIII» — **Стихи IV**.

Кокс (нем. *Koks*) — твердая, спекшаяся пористая масса, получаемая из каменного угля или торфа и применяемая как топливо; также — сленговое название кокаина.

<песня десятая>

Публикуется впервые по авторской рукописи. Название отсутствует. Вариант этого текста с разночтениями находится в тетради **Стихи IV** на заключительной странице цикла (после «Песни IX», т.е. «Песни VIII» тетради). Приведем его полностью:

Весна поет на высоте
своей души
но сон хватает в темноте
и задушил
и задушевно повторяя
как всегда
и руку тяжкую роняя
на года
Сублима мнимоитд нас века
Ундина металоид с потолка
Курима риманосто взпапат
Урима рагохоста пасть в закат
Килимадаса
Спыкалидасы
Сзыгази <?>
Душа лежит на дне обрыва
Пришла зима
Луна качается игриво
Сойдя с ума
Зима во сне крылом махает
Но где ве<с>на
Луна качается в окне
Луна поет
Весна кончается во сне
Тебя зовет

Ундины (от лат. *unda* — волна) — в фольклоре народов Европы женские духи воды, русалки.

Металоид — скорее всего, от *металлоиды* (от греч. *metallon* — металл и *eidos* — сходство), все химически простые тела, не принадлежащие к классу металлов, например водород и фосфор.

Курима — это заумное слово, может быть, происходит от *Курим* (Керим, Сирим), названия исторического места в древнекорейской мифологии.

Урима — слово *урим* вместе с *туммим* упоминается в Библии в тесной связи с наперсником (частью одежды) первосвященника (см., например, Исх., 28:30).

СТИХОТВОРЕНИЯ

«я прохожу. тщеславен я и сир...»

Публикуется впервые по странице верстки неизданной книги «Дирижабль неизвестного направления», большая часть которой, а также предваряющих ее гранок, сохранилась в парижском архиве С.Н. Татищева (книга, как известно, планировалась к изданию в 1927 г. С.М. Ромовым; подробнее об истории неудавшегося издания см. в кн.: Поплавский Б. Покушение с негодными средствами: Неизвестные стихотворения, письма к И.М. Зданевичу / Сост. и предисл. Р. Гейро, подг. текста и комм. Р. Гейро и С. Кудрявцева, общ. ред. С. Кудрявцева. М.; Дюссельдорф: Гилея; Голубой всадник, 1997. С. 107, 115; а также в кн.: Поплавский Б. Дадафония. С. 104–105). Стихотворение указано в нумерованном авторском списке «Книга первая. В венке из воска. Берлин Париж. 1922–1924» (рядом указаны еще другие даты: 1923–1924).

Кирасур (фр. *cuirassier*) — тяжеловооруженный всадник (XVI — нач. XX в.), облаченный в кирасу — металлический панцирь.

Епатрахиль — правильное *епитрахиль* (от греч. *epitrahelion* — то, что вокруг шеи), богослужebное одеяние православного священника.

«и каждый раз, и каждый раз, и каждый...»

Публикуется впервые по странице верстки «Дирижабля неизвестного направления», имеющей чью-то (вероятнее всего, не авторскую) рукописную правку: в частности, исключено последнее четверостишие. В нашей публикации эта правка не учитывается. В содержании верстки название вычеркнуто (т.е. стихотворение, вероятно, было исключено из книги) и заменено на название другого стихотворения — «Литературный ад». Публикуемый текст включен в нумерованный авторский список стихов 1925–1926 гг. В архиве имеется машинописный вариант того же текста под названием «Musique juive» (т.е. «Еврейская музыка»), датированный 1925 г. Под номером «2» он располагается на листе после стихотворения «Musique russe» («Русская музыка»), имеющего номер «1», т.е. является как бы второй частью короткого цикла. Первое из этих двух стихотворений в варианте, обнаруженном в верстке «Дирижабля» и фигурирующем там без заглавия («Труба по-русски, по латыни тромба...»), опубликовано в кн.: Поплавский Б. Неизданные стихи. С. 60.

Варнак (устар.) — беглый или отбывший наказание каторжник. Часто употреблялось как бранное слово.

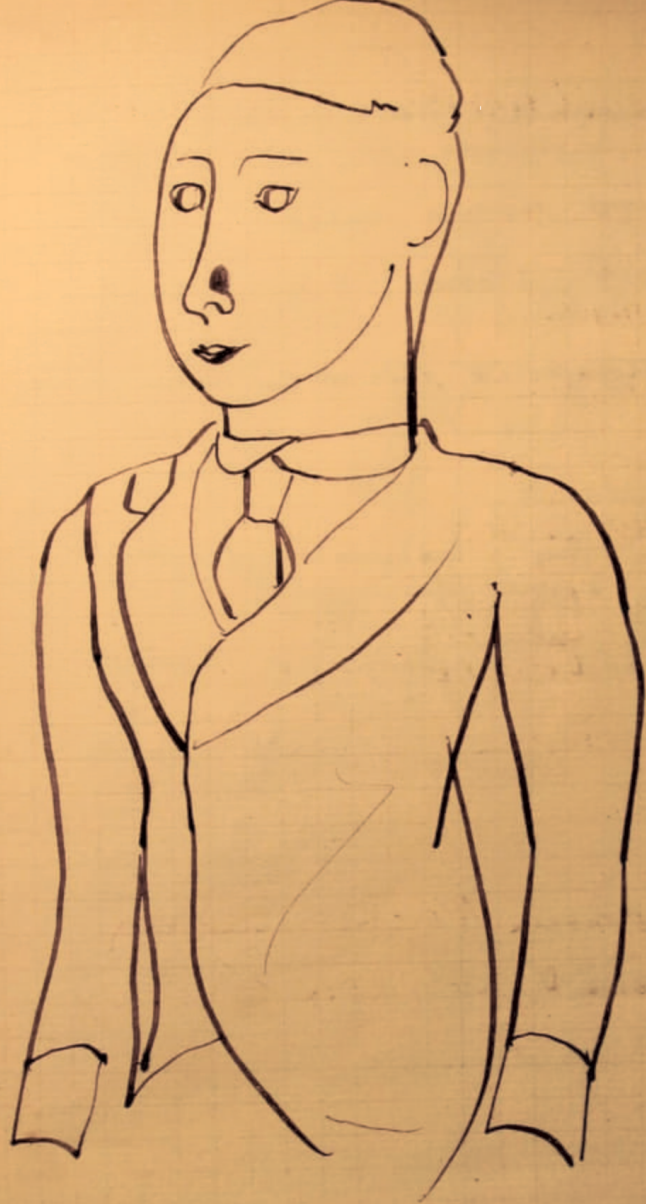
Корсар (итал. *corsaro*) — пират, движимый патриотическим чувством, т.е. грабящий исключительно чужеземные суда или суда враждебной страны.

«убивец бивень нечасовый бой...»

Публикуется впервые по авторской рукописи. **ОВК**, № 36. Стихотворение, очевидно, поначалу планировалось Е. Менегальдо к изданию в кн. «Неизданные стихи», а впоследствии было ею исключено. В этом сборнике по ошибке составителя остался комментарий к отсутствующему в книге тексту (с. 165).

Самые
мелководные. Туче мау фанно
Б Бзды х - кзыл кад нораде

Мам сыме сыме суню в а н
Маму суню суню, са сун,
Маму суню суню, ма суню суню
Генду на нн суню ма нн
Eye на ма нн суню
Б нннн суню суню суню суню

Суню суню суню суню суню
но маю суню суню суню суню
Ма суню суню суню суню суню

Ма нннн суню суню суню суню
Суню суню суню суню суню
Здань,

Там есть в дохавии менен кадол
 денин рену в аини ^{мен}
 То То ^и мин ^в ролуе
~~в аини~~ ~~мен~~
 А ^и ^{мен} ^в ^{аини} ^{мен}
 Раруамен ^и ^{мен} ^в ^{аини} ^{мен}

В архиве также обнаружен другой вариант этого текста (авторская рукопись, зачеркнута). Приводим его полностью:

Убивец бивень нечасовый вой
Вой непутовый совный псовый вой
Рой обезкровый обезкровный рой
Хуй соглядатый о даянье хуй!

Соооо оо вообще Оооо
Аа крича ча и а апи зда
Езда о да о дата Госиздат
Уздечка и узбечка помяно
Саосанчан чу чу! бук о чубук
Букачикашка кашка дед покажь-ка
Оу бубубны пики шашки
Щи мазаян кушайское табу
Улиливы ливень бивень выть мотри
Сравни сровни 2–2 шасть три

Буяк багун-чубук — это «составное» слово можно разложить на три части: *буяк* в словаре Даля — племенной бык; *багун*, или *багульник*, — болотный кустарник; *чубук* — полый стержень, на который насаживается табачная трубка.

Уливы — помимо очевидного смысла, связанного со словами «поливать», «обливать», в словаре Даля приводится еще и значение «чрезмерные женские крови» («изошла уливами»).

из еврейских мелодий

Публикуется впервые по авторизованной машинописи, название и дата вписаны от руки, на полях имеются авторские пометы: «обдумать» и «Д.Н.Н.» (т.е. «Дирижабль неизвестного направления» — вероятно, поэт планировал включить текст в том своих сочинений с этим названием). Название — отсыл-

ка к знаменитым «Еврейским мелодиям» Байрона, много раз переводившимся и перелавшимся на другие языки (русские переводы — Гнедича, Козлова, Лермонтова, Фета, А.К. Толстого, Майкова и др.). Поскольку стихотворение Поплавского не является переводом, можно предположить, что название в данном случае обозначает скорее жанрово-стилевую манеру стиха, как и в одной из вариаций Лермонтова («Я видал иногда, как ночная звезда...», 1830). Ср. также с названием другого стихотворения Поплавского — «Musique juive» (см. примеч. к стихотворению «И каждый раз, и каждый раз, и каждый...»).

Пяльца, или *пяльцы*, — рама для натягивания ткани, на которой вышивают.

art poétique

Публикуется впервые по авторской рукописи. Авторские пометы: «Д.н.н.», «Дирижабль о.» (т.е. «Дирижабль осатанел» — это словосочетание нередко встречается на полях стихотворных текстов Поплавского — сборник с таким названием, возможно, планировался автором к изданию), «Ars poetique» (рядом с этими словами стоит звездочка), «переделать». Словами «Art poétique» (фр. «Поэтическое искусство» — в ряде случаев Поплавский пишет «Ars poetique», срачивая латинское и французское слово) озаглавлены несколько разных стихотворений в архиве. Возможно, впрочем, что это не заглавие, а также своего рода помета, относящая текст к некоему циклу.

Лаура — знаменитая избранница Петрарки, которой он посвятил большинство своих итальянских стихов. У Поплавского в одном из стихотворений сборника «Флаги» образ Лауры перекликается с образом ночного светила:

И в лиловой ауре ауре,
Навсегда прекрасна и ужасна
Вышла в небо Лаура Лаура
И за ней певец в кальсонах красных.

(«Diabolique»)

Мадполам — правильное *мадапалам* или *мадаполам* (от *Madapollat* — название бывшего пригорода г. Нарсапур в Индии) — жесткая хлопчатобумажная бельевая ткань.

Вейник — крайне распространенное растение (встречаются полевые, луговые, лесные и даже скальные виды), побеги которого заканчиваются крупной пушистой метелкой.

Халдеи — греческая форма семитского названия арамейского племени, жившего в 1-й половине 1-го тыс. до н.э. в Южной Месопотамии и ведшего с Ассирией борьбу за обладание Вавилоном. В библейской Книге Иова халдеи описаны как грабители, нападающие на поселения; в книге Даниила слово «халдей» — эквивалент слова «астролог, гадатель». В словаре Даля встречается в значениях «нахал», «наглец», «пустослов» и т.п.

Спирохет, или *спирохета* (от греч. *speira* — завиток и *chaite* — волосы), — род бактерии, возбудитель возвратного тифа и сифилиса.

«шикарное безделье живет...»

Публикуется впервые по авторской рукописи, авторская помета: «Куски». ОВК, № 14. Имеется вариант этого стихотворения под названием «Подражание Бодлеру» и с разночтениями (рукописная копия Д.Г. Шрайбман, зачеркнута).

Крокет (фр. *croquet*) — игра, участники которой ударами деревянных молотков проводят шары через воротца, расставленные в определенном порядке.

«божественный огонь строптивый конь...»

Публикуется впервые по авторской рукописи. **ОВК**, № 44. Этот текст — первый из трех отдельных стихотворных фрагментов, к которым имеется общая авторская помета: «Куски».

Кавун, или *каун*, — малороссийское название арбуза.

Мяздра, или *мездра*, — кора, внутренняя сторона кожи.

«черепаша уходит под череп...»

Публикуется впервые по авторской рукописи. Текст — третий из пяти отдельных стихотворных фрагментов, авторская помета ко всем: «Куски».

Ротор (от лат. *roto* — вращаюсь) — вращающаяся деталь моторов, рабочих машин, центральная часть электрогенератора.

«есть в этом мире специальный шик...»

Публикуется впервые по авторской рукописи. Текст — четвертый из девяти отдельных фрагментов, имеющих общую авторскую помету: «Куски». Под названием первого все фрагменты — **ОВК**, № 99 и еще раз (ошибочно) № 112.

«мне ль реабилитировать себя...»

Публикуется впервые по авторской рукописи. **ОВК**, № 41. Текст — последний из четырех отдельных фрагментов, к нему есть авторская помета: «Art poetique». Имеется ранний неоконченный рукописный вариант этого текста (с разночтениями), помеченный 1926 г.

«акробат одиноко взобрался на вышку...»

Публикуется впервые по авторской рукописи. Стихотворение — первое в рукописи, состоящей из восьми отдельных фрагментов, ко всему циклу — авторская помета: «куски».

«исчезало счастье гасло время...»

Публикуется впервые по той же авторской рукописи, что и предыдущее (второй фрагмент). Образ черта, пишущего стихотворение, появляется и в более позднем тексте «Звуки неба еле слышны...» (см.: Поплавский Б. Автоматические стихи / Вступ. ст. Е. Менегальдо, подг. текста А. Богословского, Е. Менегальдо. М.: Согласие, 1999. С. 43).

«луна часов усами повела...»

Публикуется впервые по той же авторской рукописи, что и два предыдущих (пятый фрагмент).

«в америку ехали воробьи...»

Публикуется впервые по той же авторской рукописи, что и три предыдущих (восьмой фрагмент).

Мэри Пикфорд (*Mary Pickford*, настоящее имя и фамилия — Глэдис Мэри Смит, 1893–1979) — американская актриса, легенда немого кино.

Гингер Александр Самсонович (1897–1965) — эмигрировавший в 1921 г. во Францию поэт, прозаик, литературный критик. Друг Поплавского, вместе с ним входил в созданную И.М. Зданевичем и С.М. Ромовым группу «Через», а также в «Союз молодых писа-

телей и поэтов». Гингер упоминается и в других стихах Поплавского (см., например: Поплавский Б. Дадафония. С. 20–22, 77, 85).

«я пред мясной где мертвые лежат...»

Публикуется впервые по машинописи с авторской рукописной правкой.

Конка (конная железная дорога) — своего рода предшественница электрического трамвая, представлявшая собой открытый, а еще чаще закрытый экипаж, иногда двухэтажный, с открытым верхом (империалом). Вагон по рельсовым путям тянула пара лошадей, управляемая кучером.

Как умирающий воскликнет «жажду!» — ср. с текстом из Нового Завета: «После того Иисус, зная, что все уже свершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду» (Иоанн, 19:28).

снежная пудра бульвара

Публикуется впервые по машинописи.

бред

Публикуется впервые по машинописи. Последнее четверостишие обведено карандашом, а на полях (очевидно, ему на замену) автором вписан карандашом следующий текст (рядом зачеркнуты варианты слов): «А черт его собрав сейчас потащит в ад / Он ближе подошел и мажет смрадным гноем / лицо мое а капли все кружат / и ловим с <2 нрзб.> безумным резким воем».

Моноплан (от греч. *μονος* — один и лат. *Planum* — плоскость) — самолет, имеющий одно крыло, в отличие от биплана или триплана.

«В ПОЛДНЕВНЫЙ ЧАС БЕЛЕЕТ СИНЕВА...»

Публикуется впервые по авторской рукописи. Упомянуто в составленном в 1934 г. авторском списке «Оглавление второго отдела» (далее **ОВО**), № 177.

Л.К. — личность нам установить не удалось.

ветер мироздания

Публикуется впервые по машинописи с авторской рукописной правкой (название и посвящение вписаны от руки). **ОВО**, № 88.

Адольфу... — личность художника, которому посвящено также следующее стихотворение, равно как и нахождение Гетелбер<г>а, нам установить не удалось. Возможно, это вообще фантазия автора. Что касается предполагаемой композиции алтаря, то, вероятно, он может напоминать алтарь в капелле Фуггеров в Аугсбурге работы мастера Адольфа Дауера (XV в.), состоящий из четырех створок, покрытых изображениями (живопись и скульптурные панно) с обеих сторон («восемь картин»).

Пентаэдр — пятигранник. В ряде случаев так называется магическая фигура, сходная с пентаграммой (см. примеч. к «Истерики истерик»).

звездный водопад

Публикуется впервые по машинописи с авторской рукописной правкой (название и посвящение вписаны от руки, добавлены цифры и знаки). Первоначальное название «Дева сиреневых слез» зачеркнуто. **ОВО**, № 46.

Пребываешь в сферах... — античное эстетико-космологическое учение о небесных сферах, выдвинутое еще пифаго-

реизмом, было популярно вплоть до Нового времени. Космос включал ряд небесных сфер (при вращении они издавали так называемую музыку сфер), Луну, Солнце, планеты и звезды. Неоплатоники дополнили это учением об эманации — переходе высшей точки Универсума (Первоначало) к менее совершенным; отдельные гностические секты (например, архонтики) предполагали, что каждое из небес занимают ангелы-архонты (князья) и лишь на последнем из небес пребывает Истинное Божество и т.д., и т.п.

Агасфер (от лат. *Ahasverus*), или Вечный Жид, — согласно церковному Преданию, иудей-ремесленник, отказавший в отдыхе несшему крест Иисусу и за это осужденный скитаться до Второго пришествия Христа.

«ЗОЛОТАЯ ЛУНА ВСПЛЫЛА НА ПРУДЕ...»

Публикуется впервые по авторской рукописи. **ОВО**, № 96.

Гибель (или *сумерки*) *богов* (древнесканд. *Ragnarøkkr*) — важнейшее событие древнегерманской мифологии: последняя битва между богами и порождениями хаоса, в итоге которой боги, чудовища и люди погибают. Вслед за гибелью мира следует его возрождение.

Южный Крест, или просто Крест (лат. *Crux*), — самое маленькое из созвездий небосвода, действительно образующее крест. Его четыре отчетливо различимые звезды служили ориентиром при навигации.

«ОТЦЫ ОБ СТЕНКУ УДАРИЛИСЬ ЛБАМИ...»

Публикуется впервые по авторской рукописи, авторская помета: «Куски». **ОВК**, № 19.

Ковы (устар.) — козни, коварные, злые намерения, умыслы.

Творянин — вставлено вместо зачеркнутого *товарищ*. Использован неологизм В. Хлебникова, встречающийся в поэме «Ладомир»: «Это шествуют творяне, / Заменявши Д на Т» (см.: Хлебников В. Творения / Общ. ред. и вступ. ст. М.Я. Полякова, сост. подг. текста и комм. В.П. Григорьева и А.Е. Парниса. М.: Сов. писатель, 1986. С. 281). Текст поэмы мог быть известен Поплавскому, например, по публикации в журн. «Леф» (1923. № 2).

«луна богов луна богиня смерти...»

Публикуется впервые по авторской рукописи. **ОВК**, № 102 (с пометой «куски»).

Богиня смерти — ср., например, с Гекатой (греч. *Hekate*), греческим божеством лунного света и одновременно богиней преисподней и волшебства, предводительницей душ умерших.

«качались мы, увы, но не встречались...»

Публикуется впервые по машинописи с авторской правкой, авторская помета: «куски», место и дата вписаны автором от руки. **ОВК**, № 55.

Бебе — от фр. *bébé* (младенец).

«смирение парит над головой...»

Публикуется впервые по авторской рукописи, авторская помета: «обдумать». **ОВК**, № 116.

Воротник — здесь, скорее всего, имеется в виду хомут. Ср. в англ.: хомут — *horse's collar* (дословно: лошадиный воротник).

открытое письмо

Публикуется впервые по машинописи с авторской правкой и рисунками на полях. Авторские пометы: «Art poétique», «Обдумать». Название вписано от руки. Под авторской подписью и вписанной от руки датой имеются следующие слова: «совершенно бесплатно бова Поплавский тренер мастер менеджер спикер и профессор черной и белой магии». **ОВК**, № 62.

«лишь я дотронулся до рога...»

Публикуется впервые по машинописи с авторскими рукописными добавлениями, дата также добавлена от руки, авторская помета: «Обдумать». **ОВК**, № 22.

Дошлый — дошедший, попевший. О человеке: мастер своего дела, дока, опытный, сведущий или же проныра, плут.

Виадук (лат. *via* — дорога, путь и *disco* — веду) — мост, по которому проходит участок дороги в месте пересечения ее с оврагом, ущельем, долиной реки и др.

«ЗИМА И ТИШИНА ГЛЯДЕЛИ...»

Публикуется впервые по авторской рукописи.

орфей в аду

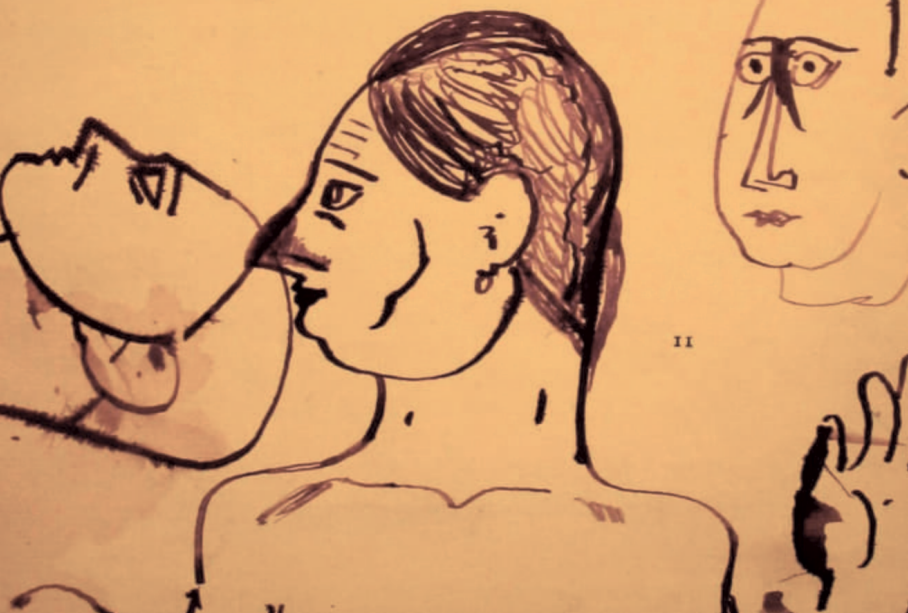
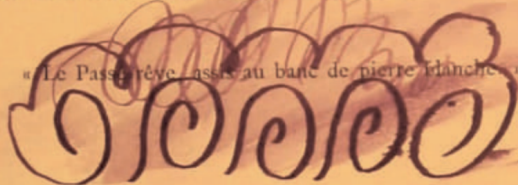
Публикуется впервые по машинописи. **ОВК**, № 83.

Мойры (греч. *Moira*) — наименование греческих богинь судьбы, определяющих момент смерти человека. Есть и женское имя *Мойра*, распространенное в англоязычных странах. *Мойра* фигурирует также в стихотворениях «Сольфеджио» и «Мой-

Времена мемуар доемсиде
Супадани дондео дСини
10 PINSICHO

Reflets du Passé

« Le Passé rêve assis au banc de pierre blanche »

О морем и аэроп...

О морем и аэроп...
Зобаном

Деморамжаруе.

Деморамжаруе порево
" " " " " "

рэ», публикуемых в разделе «Незавершенное и зачеркнутое», и стихотворении «Невидный пляс, безмерный невпопад...», опубликованном в кн.: Поплавский Б. Дадафония. С. 43.

Можжевельник — вечнозеленый хвойный кустарник семейства кипарисовых. Во многих традициях — символ преодоления смерти, средство для изгнания духов. Ягоды можжевельника — одно из самых популярных лекарственных средств, хотя в больших количествах опасны. Можжевельник также используется при изготовлении джина.

Антропофаги (греч. *antropos* — человек, *phagos* — пожирающий) — людоеды. Антропофагов-лестригонов во время своего путешествия встречает Одиссей; о «стране людоедов» повествуют христианские апокрифы (например, коптский текст «Деяния святого Андрея и святого Матфея»).

le chant d'Albinos

Публикуется впервые по рукописной копии Д.Г. Шрайбман с авторской пометой: «Обдумать». **ОВК**, № 85. *Le chant d'Albinos* (фр.) — пение Альбиноса.

Бельведер (от итал. *belvedere* — прекрасный вид) — надстройка над зданием или небольшая отдельная постройка, откуда открывается далекий вид.

Или, Или... — из слов Иисуса Христа на арамейском языке, произнесенных им перед смертью на кресте: «Или, Или! лама савахфани?», т.е. «Боже Мой, Боже Мой! для чего ты меня оставил?» (Матфей, 27:46).

Выкладывать (или *выделывать*, *выкидывать*) *антраша* — делать затейливые, замысловатые движения ногами, «выкидывать коленца». Происходит от фр. *entrechat* (движение кошки) — в классическом балетном танце легкий прыжок

вверх, во время которого ноги танцора быстро скрещиваются в воздухе, касаясь друг друга.

«на иконе в золотых кустах...»

Публикуется впервые по авторизованной машинописи с авторской правкой, авторская помета: «куски», дата и место вписаны от руки. **ОВК**, № 107.

Влажный лев плечистый... — здесь возможна отсылка к алхимической символике. Наряду с единорогом и голубем, лев — один из самых частых алхимических символов. «Влажный лев» может означать льва «влажного пути» — медленного, постепенного пути трансмутации (в отличие от «сухого»). Обычно «львом» именовали серную или азотную кислоту, производящую основные химические преобразования в веществах на пути к созданию Философского Камня.

незавершенное и зачеркнутое

«грохотанье струй изгоняет печали...»

Публикуется впервые по рукописной копии Д.Г. Шрайбман, неокончено, зачеркнуто. Восьмая строка не написана, в ней есть лишь заключительное слово-рифма. **ОВК**, № 101.

«о жупел мужа жалости лишай...»

Публикуется впервые по авторской рукописи, зачеркнуто, авторская помета: «обдумать?». **ОВК**, № 86.

Жупел — в старославянском языке это слово обозначало горящую серу, смолу. В переносном смысле — нечто пугающее, наводящее ужас.

Атур (фр. *atour*) — женский головной убор на каркасе из китового уса или металла, либо накрахмаленного полотна. Наиболее распространенные варианты атура исполнялись в виде конуса, усеченного конуса или трубы и получили распространение в XV в. в период «бургундских мод».

Сидон — приморский город на юге Ливана, один из древнейших городов Финикии. Крупнейший торговый центр древнего мира в X–IX вв. до н. э.

Дрочена, или *дрочёна*, — лепешка из запеченных яиц, смешанных с молоком и мукой или тертым картофелем.

«я библию читал едва-едва...»

Публикуется впервые по рукописной копии Д.Г. Шрайбман, не окончено (нет четвертой строки), зачеркнуто.

война и мир

Публикуется впервые по машинописи с авторской правкой, посвящение вписано от руки, стихотворение зачеркнуто.

П.Х. — личность нам установить не удалось.

Булат (от перс. *fulad*) — сталь, благодаря особой технологии изготовления отличающаяся высокой твердостью и упругостью.

«как плавает в реке прозрачный дом...»

Публикуется впервые по машинописи с авторской правкой, зачеркнуто, авторская помета: «Куски». **ОВК**, № 95. Началь-

ные строки стихотворения напоминают начало «Посещения второго» из «Покушения с негодными средствами» (с. 35). Есть также более ранний вариант этого текста, отличающийся разночтениями — авторская рукопись с датой «1925», зачеркнута.

logique

Публикуется впервые по машинописи с авторской рукописной правкой, название вписано от руки, текст зачеркнут, кроме второго четверостишия. **ОВО**, № 155. *Logique* (фр.) — логика.

«примите братья чемодан души...»

Публикуется впервые по рукописной копии Д.Г. Шрайбман, неокончено (в третьей строке отсутствует слово), зачеркнуто.

Мних (устар.) — монах.

газела о бедности

Публикуется впервые по авторизованной машинописи с рукописной правкой, название, место и дата (295, т.е. 1925) вписаны от руки. Стихотворение зачеркнуто, авторская помета: «куски». **ОВК**, № 64. *Газела*, *газелла* или же *газель* (от араб. *gazal*) — суть этой персидской строфы заключается в том, что она предполагает повтор смежной рифмы в конце четных строк. В русской литературе эта форма встречается, например, у М. Кузмина, В. Брюсова и Вяч. Иванова. Строго говоря, перед нами вовсе не газелла в истинном понимании.

«как снобы в розовых носках...»

Публикуется впервые по авторской рукописи. Четвертая строка не завершена. **ОВК**, № 30. Начало стихотворения на-

поминает первые строки «Посвящения» из «Покушения с негодными средствами» (с. 63).

сольфеджио

Публикуется впервые по машинописи с авторской правкой, зачеркнуто. Название, а также место и дата вписаны от руки. **ОВК**, № 90. *Сольфеджио, сольфеджо* (итал. *solfeggio*) — вокальные упражнения для развития слуха и приобретения навыка читать ноты.

Пирамидон (от греч. *pyr* — огонь и названия рода кислот — *амиды*) — лекарственный препарат, употребляемый как жаропонижающее, болеутоляющее (например, при головных болях) средство (современное название — амидопирин). Ср. у В. Ходасевича:

И так отрадно, что в аптеке
Есть кисленький пирамидон.

(«Хранилище», 1924).

Чалдон, чалдона (обл.) — коренной русский житель Сибири.

мойрэ

Публикуется впервые по машинописи с авторской рукописной правкой, зачеркнуто. **ОВК**, № 63. В архиве имеется вариант текста (авторская рукопись) с разночтениями и без названия, также зачеркнуто, на полях знак вопроса.

Фанданго (исп. *fandango*) — испанский народный танец, сопровождаемый одноименной песней и ударами кастаньет.

Ойра-ойра — название литовской песни-польки с характерным припевом. В более широком смысле — просто возглас, междометие.

«на олеографическом закате...»

Публикуется впервые по машинописи с авторской рукописной правкой, большая часть текста перечеркнута, авторская помета: «обдумать». **ОВК**, № 20.

Олеография (от лат. *oleum* — масло и *grapho* — пишу) — вид полиграфического воспроизведения картин, исполненных масляными красками. Был распространен во второй половине XIX в. Для большего сходства с произведениями масляной живописи типографские оттиски лакировали и подвергали рельефному тиснению, в результате которого получалась имитация поверхности холста и рельефных мазков масляной краски.

«ЛЮБОВЬ МАНИТ К СЕБЕ ВЛЕЧЕТ...»

Публикуется впервые по рукописной копии Д.Г. Шрайбман, зачеркнуто (кроме последних шести строк), авторская помета: «Куски». **ОВК**, № 93.

Гайда — в данном случае междометие, то же, что и «айда».

«МУЗЫКАНТЫ — ЗНАЧИТ МУЗЕ КАНТЫ...»

Публикуется впервые по машинописи, зачеркнуто.

Кант (нем. *Kante*) — узкий цветной шнурок, оторочка по краю или шву одежды. Здесь также может иметься в виду имя знаменитого философа.

Адьютань — игра фр. словами: *adieu* — прощай, *tante* — тетя.

Компран тю (фр. *Comprends-tu?*) — понимаешь?

борис поплавский
орфей в аду

*неизвестные поэмы,
стихотворения
и рисунки*

Верстка *Мария Юганова*
Корректор *Елена Салтыкова*

Книгоиздательство
и магазин «Гилея»
<http://gileia.org>
Москва, м. Профсоюзная,
Нахимовский просп., 51/21
(в помещении ИНИОН РАН)
тел. 8-499-7246167
e-mail: info@gileia.org